— За систематические прогулы и пьянство мы постановили лишить тебя билета на симфонический концерт!

Рисунок Е. ГУРОВА

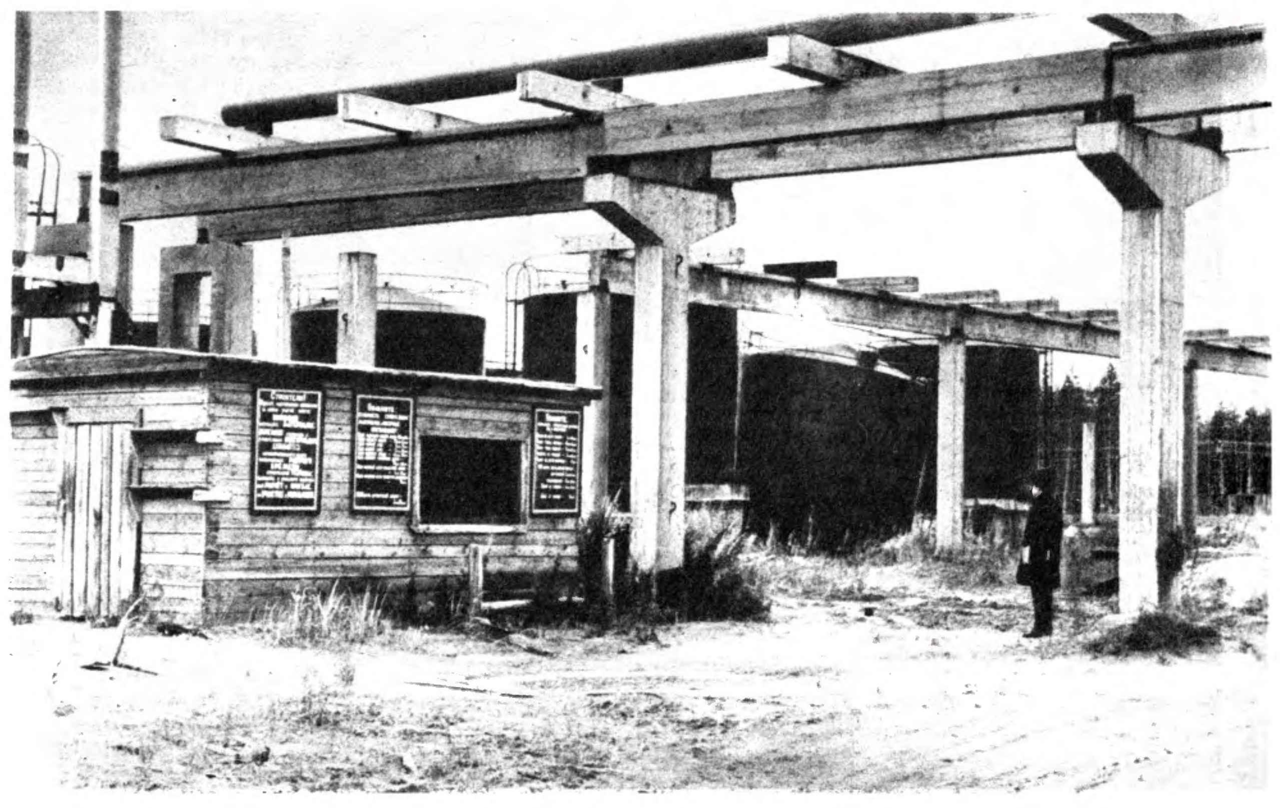
КРОКОДИЛ

КОМУ ЗАВОДИК?

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Не дорог, говорят, подарок. Дорога, утверждают, любовь. И любовь была налицо. Минбумпром воспылал нежными чувствами к минхимпрому. А любви сопутствует желание творить приятное. Ну, так и подмывает сделать широкий жест, например, подарочек преподнести. Вот и задумали минбумпромовцы порадовать химиков сюрпризом. Да не какой-нибудь безделушкой отделаться, вроде флакончика духов. Нет, хотелось удивить министерским размахом.

И минбумпром размахнулся, удивил... Да вот он и сам, подарочек, как есть, на снимке фотокорреспондента газеты «Двинская правда» А. Мотовилина.

Как видите, одно министерство в состоянии подарить другому целый заводик. Пусть еще не действующий, а строящийся, зато со всем ржавеющим оборудованием и даже сарайчиком. Вон с тем, что сплошь увешан плакатами... «Помни! — напоминают плакаты,— 10 кг гвоздей стоят 2 руб. 40 коп., 1 000 штукатурной драни — семь с полтиной...»

Но кого наставляют плакаты, неизвестно. Вокруг ни души. Впрочем, извиняюсь, справа маячит одинокая фигура. Но это всего лишь ваш корреспондент...

Побывав в Котласе, я узнал коечто из истории этого единственного в своем роде завода-сувенира. Оказывается, подарили его не от чистого сердца, а скорее по принципу: «На тебе, боже, что нам негоже». Хороший-то завод и самим пригодился бы. Но этот был так себе, завалящий заводишко... Вообще-то, если говорить по совести, минбумпром просто не смог его поставить на ноги. Семь лет с ним бились и все без толку. Одним словом, в минбумпроме охладели к невезучему заводу и махнули рукой на строительство, а затем и вовсе передали на баланс другому министерству.

Так котласский завод превратился в сувенир стоимостью в семь миллионов. А пока новый хозяин прикидывает, как бы получше использовать подарок, в заводских корпусах поселились зайцы. Ушастые считают, что лучшего места для зимовки не сыскать. Там тепло, светло и охотники не стреляют.

Может, все же найдется охотник, который прогонит с завода зайцев? Товарищи, кому заводик?

г. Котлас,
Архангельской области.

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

Портрет урода особого рода

От шума он устал...
Заботливый сосед
Ему уехать дал совет
И в тихом крае поселиться.
А он сказал, смеясь: — О нет!
Я не уеду из столицы!

Москву покинуть! Что за
чушь!
Нет! Не бывать такой разлуке!
Мне предлагают ехать
в глушь!
Нет, я погибну там от скуки!

Моя душа, мой интеллект —
Враги периферийной грусти.
Ведь вне Москвы любой
объект —
Прямой синоним захолустья.
В Москве театры — высший
класс.
В Москве — чудесные
спектакли.
Они обогащают нас
И восхищают нас. Не так ли!

А замечательный балет!
А превосходные музеи!
Нигде таких концертов нет!
Нет Третьяковской галереи!

Я не хочу попасть в беду
И рисковать судьбой моею.
Я без культуры пропаду!
Я вне столицы околею!..

* * *

Все эти речи — лживый бред.
Вы этим басенкам не верьте!
Ведь он
за много-много лет
Ни разу не был на концерте.

Он позабыл в театры путь,
И предал выставки
забвенью,
И даже не нашел мгновенья
В библиотеку заглянуть.

Дверь Третьяковской галереи
Ему открыть мешает лень,
Хотя живет он рядом с нею
И ходит мимо каждый день.

Он верен собственному дому
И потому (увы, увы!)
Ему, культурному такому,
Нельзя уехать из Москвы.

Большие у него заботы.
А выглядят заботы так:
Поменьше было бы работы,
Побольше было б всяких благ.

Считает он свою квартиру
Святыней, сердцу дорогой,
Берлогой счастья, центром
мира,
Копилкой,
складом,
кладовой.

Он не поедет в центр
районный!
Туда заказаны пути,
Поскольку там
в «комиссионных»
Вещей шикарных не найти.

Считает он
в пылу зазнайства,
Что вся страна и все миры —
Амбар,
подсобное хозяйство
Его домашней конуры.

А. ГОЛУБ, специальный корреспондент Крокодила

С тумбочкой за пазухой

Проблема не давала спать.

Смелые гипотезы и рискованные предложения роились вокруг заводских изделий. Нет, речь шла не о том, чтобы в корне переделать изобретение выдающегося американца Элиаса Хоу, известное в широких кругах под названием швейной машинки Зингера. Никто не собирался перевести ее на турбореактивную тягу, начинить полупроводниками или приспособить для тсчки ножей и ножниц.

В смысле рационализации и изобретательства все уже было сделано. К швейной машинке приделали электромоторчик, допотопные чугунные ножки давно уже заменили элегантным деревянным столиком либо полированной тумбочкой под красное дерево.

Задача была куда более тривиальной.

Представьте: в третьей декаде каждого месяца на сборочные участки Подольского механического завода поступало нужное количество шпулек и лапок. И в третьей же декаде Каунасский завод отгружал нужное количество столиков и тумбочек. Но к тому времени, когда машинки со шпульками и лапками перекочевывали в упаковочный цех, чтобы там соединиться со столиками и тумбочками, начальник цеха располагал лишь документами, подтверждающими, что они отгружены и следуют в заданном направлении.

Тут месяц, естественно, подходил к концу, план оставался невыполненным, и руководители самого крупного предприятия в Подольске вместо премий и прогрессивок получали нахлобучку.

Проблема заключалась в том, чтобы выполнять план независимо от того, где будут находиться тумбочки и столики — в Подольске, Каунасе или где-то между ними.

— Так, значит, документы об отгрузке мы получаем вовремя? — рассуждал один из организаторов производства.

— Вовремя, — соглашался другой.

— Выходит, можно считать, что тумбочки и столики всякий раз у нас в каком кармане?

— В правом.

— А машинки?

— В левом.

Смелая гипотеза рождала гениальный по своей простоте вывод: если тумбочки в правом кармане, а машинки — в левом, то не остается ничего другого, как комплектовать продукцию. Не в натуре, разумеется, а на бумаге. Начальник цеха выпишет накладную на недостающее количество швейных машинок, заведующий складом распишется в их получении. Начальник планового отдела подведет итог. Директор издаст приказ о премировании особо отличившихся. Бухгалтер составит ведомость на выплату премиальных...

Для того, чтобы завскладом, принимая готовые машинки с тумбочками, не крутил головой по сторонам в надежде увидеть их собственными глазами, ему следует давать расписки примерно такого содержания:

«Сохранная расписка

Дана заведующему складом Никишину Ф. И. в том, что швейные машинки в количестве... штук находятся на сохранном хранении в цехе № 15.

Начальник цеха № 15

Шибанов».

Таким образом, начальник цеха будет иметь на руках накладную, подтверждающую, что продукция изготовлена и сдана на склад. А завскладом — расписку, удостоверяющую, что принятые им изделия находятся на хранении в цехе. И никаких швейных машинок.

Предложение было единогласно принято и внедрено в производство. Столики еще тряслись в товарных вагонах где-то в районе Друскининкай, а в Подольске уже устанавливали на них швейные машинки. Предприятие выполняло и перевыполняло план, организаторы производства толпились у кассового окошечка. А в целом на заводе совершались деяния, именуемые приписками, искажением отчетности и незаконным получением премиальных.

Директор завода, начиная рабочий день, пристально заглядывал в глаза сослуживцев, пытаясь своевременно разглядеть, не смалодушничал ли кто-нибудь из них и не побывал ли с повинной в ОБХСС. Но ясен и бесхитростен был взгляд главного инженера, кротко глядели на руководство начальники цехов и отделов. Застенчиво отводил взгляд завскладом, ощупывая оттопыренный карман с сохранными расписками. И даже глаза секретаря парткома Н. И. Потаповой и председателя завкома Г. Г. Дырова не метали молнии, а излучали приветливое мерцание.

Но вот однажды, когда заводское начальство явилось в кассу за получением очередных премиальных сумм, оно узрело нечто сногсшибательное: в платежной ведомости против фамилии начальника отдела сбыта Г. М. Гороховского его собственной рукой было начертано: «В доход государства». Начальник отдела сбыта хотел этим сказать, что он отмежевывается от изобретателей сохранных расписок и в дальнейшем не желает иметь с ними ничего общего.

Поднявшись утром раньше всех, Г. М. Гороховский успел сбегать на телеграф и отстукать «молнию» сразу в два адреса — Генеральному прокурору СССР и министру машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов, — в которой сообщал о приписках и просил: «Проверить зпт принять меры зпт помочь заводу работать нормально тчк».

И нужно сказать, что помощь последовала незамедлительно. На завод прибыли ревизоры, которые мигом подсчитали, сколько рублей и кому придется вернуть в кассу. Заводское начальство пригласили в Москву — в министерство и в другие инстанции. В родной Подольск оно возвратилось с выговорами и ожесточившимися сердцами и стало думать, как поступить с нарушителем конвенции.

Если бы отбросить кровную обиду, то начальника отдела сбыта следовало пригласить в заводоуправление, тепло пожать ему руку и сказать:

— Поступок, на который решился ты, должен был совершить каждый из нас. Мы на это вовремя не отважились. Спасибо, что это сделал ты.

Но кровная обида нашептывала другое. Она была очень мстительна, эта обида, и начальника отдела сбыта, фигурально говоря, хотелось пристукнуть тумбочкой.

Но ни на первое, ни на второе у организаторов производства не хватило духа. Сошлись на таком спасительном мероприятии, как сокращение штатов.

«В целях... дальнейшего совершенствования административно-управленческого аппарата и его удешевления, — говорилось в приказе по заводу, — ...объединить отдел сбыта и отдел финансов в единый отдел... В связи с объединением... начальника отдела сбыта тов. Гороховского Г. М. от занимаемой должности освободить».

Г. М. Гороховский обжаловал приказ в министерство, но симпатии министерства оказались на стороне дирекции.

«В связи с возросшим объемом работы после объединения отдела сбыта и финансового отдела, — писал в своем ответе заместитель министра С. Орлов, — ...а также учитывая Ваш возраст и отсутствие специального образования... министерство не находит оснований удовлетворить Вашу просьбу».

Что ж, принимать во внимание возраст, разумеется, нужно. И замену работника, не имеющего специального образования, человеком, имеющим таковое, следует всячески приветствовать. Только почему отсутствие образования и пенсионный возраст, которого Г. М. Гороховский, кстати говоря, достиг еще восемь лет назад, стали такой волнующей проблемой после его телеграммы в два адреса? Что это, случайное совпадение и только?

Этот щекотливый вопрос заместитель министра оставил без внимания.

А руководители предприятия, сделав шаг в сторону сокращения управленческого аппарата, продолжали изыскивать пути его дальнейшего удешевления. Вспомнили, что в цехах имеются должности старшего мастера, одну из которых занимает М. А. Савельева. И предложили ей нижеоплачиваемую должность в другом цехе.

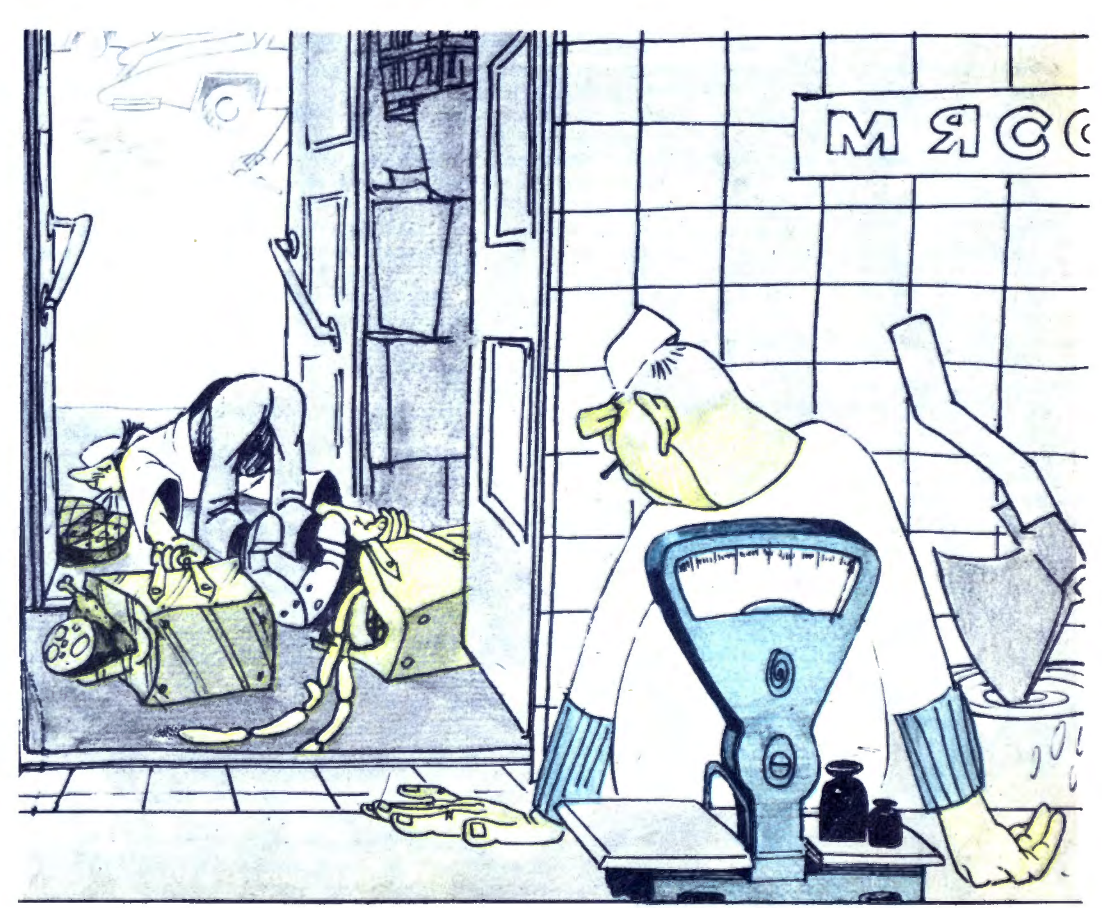
М. А. Савельева, доводясь супругой Гороховскому, помимо того, еще носила почетное звание отличника социалистического соревнования министерства, являлась ударником коммунистического труда и секретарем партийной организации цеха. Она обратилась за поддержкой в Подольский горком партии, но не нашла ее там.

М. А. Савельева на заводе больше не работает. Но ее родственники продолжают трудиться. Родная сестра — мастером, две двоюродные сестры — конструкторами, двоюродные братья — токарем и слесарем, зять — шофером, племянник — механиком. А отчим Харлампий Федорович—старшим кочегаром.

Так не придет ли в голову заводскому начальству подвести под сокращение штатов всю рабочую династию Савельевых? Ведь таким способом оно еще на знную толику сократит заводской штат!

Да и мало ли каких сокращений можно наделать, когда в душе кипит жажда мщения! Когда за пазухой носят если и не булыжник, то все же довольно увесистую тумбочку от швейной машинки...

г. Подольск, Московской области.

— Молодой, неопытный... Вот и надорвался!

Рисунок О. КОРНЕВА

Алло! Вы меня слышите? Это я, грабитель Филин!

Евгений ДУБРОВИН

Грабитель Филин решил «завязать». В последнее время ему крупно не везло.

«Ну их к черту с ихней автоматикой, сигнализацией, погонями, ружьями и мерзкими свистками, достающими до печенки,— уговаривал себя Филин.— Автоматика... Куда ни сунься — одна автоматика. Паршивый хозмаг, в котором и взять-то нечего, кроме ржавых петель, и то визжит и мигает, едва до него дотронешься. Дедов с ружьями везде понаставили. На кой черт сельмагу дед с ружьем?»

Так, горестно размышляя, Филин брел по улице, а навстречу ему—закадычный дружок, кореш из корешей, тоже грабитель, Васька по прозвищу «Перебей Нос». Филин сначала даже не признал своего дружка: шапка пыжиковая, на пальцах золотые кольца, пальто импортное, чуть отвернешь — и этикетка видна, морда красная, лоснится.

Обнялись, зашли в шашлычную, врезали. Филин расчувствовался, слезу в салат из свежих помидоров уронил, стал жаловаться на всеобщую автоматизацию и сигнализацию. Перебей Нос слушал, слушал, а потом говорит:

— Дурак ты. Посмотри на меня.

И он показал свою физиономию анфас и в профиль. И добавил:

— И ни разу срок не брал. Ладно, пойдем завтра со мной на дело. Знаю надежное место.

— Без сигнализации? — засомневался Филин.

— Говорю, абсолютно надежное дело.

Решил Филин еще раз испытать свою судьбу. Ночью пошли на дело. «Делом» оказалось облегчение вагона с сахаром на несколько мешков.

Увидев состав, Филин схватил кореша за руку:

— Охрана есть? На мокрое не пойду!

— Какая там охрана!

Перебей Нос смело, во весь рост подошел к вагону, сорвал пломбу и выволок мешок. Филин хотел схватить мешок в охапку и драпануть в сторону таблички «Конец станции. Закрой сифон», но друг остановил его. Он не спеша достал нож, провертел в мешке дырку и засунул туда палец. Затем старательно облизал палец и сказал:

— Не... Не тот. Этот я не люблю. Я беру только ливенского производства. Есть такой завод в Орловской области. Не слыхал? Сильный сахар выдает. Самогон из него почти, как коньяк. Я завсегда его беру. Только за шесть месяцев минувшего года сто пятьдесят три мешка взял по пятьдесят кило каждый.

Филин слушал дружка, разинув рот.

— Ну, а они что?

— Да ничего. Спорят с железной дорогой, кто виноват да кто охрану на вагонах должон ставить. А мы с корешами берем себе да берем. В 1967 году сто сорок два мешка взяли, в 1968-м — сто двадцать девять, в 1969-м... Тьфу, черт, и со счета уже сбился.

Грабители нашли ливенский вагон и взяли, сколько могли.

Остальные ночи были не менее удивительными для Филина, чем первая. Брали все. Сахар, муку, крупу, запчасти для «Жигулей», детские игрушки, туалетную бумагу, проволоку 0,5 мм^2, кирпич, вермишель, женские пояса, кровельное железо. Один раз шутки ради сняли кукурузную сеялку квадратно-гнездового сева, докатили на руках до соседнего колхоза и продали за две бутылки самогонки.

— Да что они, совсем, что ли?..— недоумевал Филин в редкие минуты отдыха.— Все нараспашку, никакой охраны.

— На двустволку потянуло? — ехидничал Перебей Нос.— Смотри, накличешь!

Но все было спокойно. На станциях безлюдно в смысле охраны, на вагонах жидкие пломбы, а то и их вовсе нет, в эшелонах с грузом ни души.

И вот однажды, ожидая прибытия очередного состава, Филин купил в киоске на вокзале журнал «Крокодил» и стал от нечего делать листать его. «Ночь, станция...» — машинально прочитал Филин и вдруг встревожился. Черным по белому было написано: «Ночь, станция, фонарь, орава. Орава слоняется, слушает: не гудет ли земля? Вот—гудет, близится большой товарняк... И вот уже прыгнули, взобрались, уже сидят под брезентами воры-бесшумники... Здесь умыкают экскаваторные ковши, громоздкие фрикционы, разболчивают задние мосты, передние бабки — и далее по всем видам продукции, производимой в стране».

— Так это же про нас! — ахнул Филин.

Кончался фельетон так:

«Здесь спросят: а выход? Может быть, по одному сторожу на состав...»

— По сторожу на состав! — весь внутренне сжался Филин, представив чужих людей в тулупах, с ружьями.

Филин показал журнал Перебей Носу, и друзья временно решили воздержаться от операций, подождать, что же ответит журналу Министерство путей сообщения. Филин регулярно ходил в киоск, и вот однажды в № 23 за 1970 год он увидел заметку, которую ожидал: «По тому же поводу. Нужен ли человек с ружьем?» Филин быстро пробежал ее глазами и облегченно вздохнул. Заместитель министра путей сообщения СССР тов. Н. Гундобин сообщал в редакцию, что человека с ружьем не будет. «В соответствии с Уставом железных дорог, Правилами перевозок и Техническими условиями погрузки грузоотправители обязаны подготовить автотракторную технику к транспортировке таким образом, чтобы обеспечивалась сохранность груза при перевозке».

В общем, спасение утопающих механизаторов — дело рук самих утопающих механизаторов. Об остальных же грузах зам. министра не сказал вообще. Заметка кончалась прежним выводом редакции: «Надобность в огнестрельном человеке на тормозной площадке состава диктуется интересами всего народного хозяйства страны».

Вечером грабители обсудили вторую статью и ответ зам. министра.

— Тут что-то не так,— качал головой Филин.— Их граблют, а они хоть бы что. Уж нет ли тут какой ловушки?

— Да ну! — возражал Перебей Нос.— Просто для железной дороги это мелочь. Организация уважаемая, солидная, грузы гонит дефицитные. Все равно, дескать, и с недостачей получатели слопают.

Но все же у Филина скребло на душе.

«Не могут они так разбазаривать средства. Наверно, уже понаставили голубчиков с ружьями,— думал он.— Тайно понаставили. Полезешь — и сгоришь со страшной силой».

И вот однажды Филин отважился на дерзкий поступок. Он зашел в автомат и набрал номер Министерства путей сообщения. В трубке зашипело, щелкнуло, и голос сказал:

— У телефона заместитель министра Лемещук.

Филин обомлел, но справился с волнением и выдавил:

— Читатель.... один читатель беспокоит. Я тут вот прочитал заметку в журнале «Крокодил». «Нужен ли человек с ружьем?» называется. Это уже второй раз... Так вот... мне хотелось бы знать, будут ли приняты меры. Поставят... этих... поставят человека с ружьем на вагоны?

Зам. министра откашлялся и сказал:

— Журнал правильно поднимает вопрос. Кое-где у нас, конечно, стоят люди с ружьями. Но перечень охраняемых грузов сильно устарел, он утвержден в 1952 году, а тогда перевозки, сами понимаете, были не такими. Кроме того, численность военизированной охраны сократилась.

— Но вы принимаете меры? — с трепетом спросил Филин.

— Мы неоднократно обращались с просьбой в Министерство финансов СССР о выделении дополнительной численности военизированной охраны в связи с возросшим объемом перевозок, однако этот вопрос остается нерешенным. Но кое-что мы делаем. Военизированной охраной за хищение деталей и инструментов с автотракторной техники задержано немало любителей поживиться. У них изъято 208 приемников, 1 400 ящиков и сумок с инструментами и запчастями, 82 запасных колеса, 370 аккумуляторов, 69 часов, 160 сидений и спинок и около 4 тысяч деталей других наименований.

— Прилично.

— Да. Всего на 195,3 тысячи рублей.

— Но все-таки вопрос в смысле охраны остается нерешенным?

— Нерешенным.

— Что ж, от души вам спасибо,— сказал Филин и повесил трубку.

И опять пошли кореши раскурочивать поезда. Теперь уже совсем смело. Филин завел себе пыжиковую шапку, купил импортное пальто, чуть отвернешь — и этикетка «Made in Holland» видна, надел на пальцы золотые кольца. Иногда в подпитии его тянет покуражиться: он идет на улицу, выбирает устаревший автомат с кнопочной системой и, набрав номер Министерства путей сообщения, кричит:

— Алло! Вы слышите? Это я, Филин! Я граблю ваши вагоны! Поймайте меня!

— Алло! Алло! — раздается в ответ.— Не слышим! Если вы из автомата, нажмите кнопку!

Но трубка молчит. Филин не дурак нажимать кнопку. А больше нажать ее некому.

Н. РЫНДИЧ

Рассказ

ОРИГИНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Директор рыбного магазина «Толстолоб» вернулся с совещания в райпищеторге совершенно расстроенным. Нет, директора не ругали. Дело обстояло хуже. «Толстолоб» забыли. Никто не вспомнил о магазине «Толстолоб», словно его и не существовало.

И это было обидно. Особенно если вспомнить, как спасался от корреспондентов директор рыбного магазина «Налим».

На совещании демонстрировали книгу отзывов «Налима», этакий первый том «Войны и мира», сплошь исписанный благодарностями и добрыми пожеланиями.

В «Толстолобе» тоже была книга, но благодарности в ней отсутствовали. Было из-за чего расстраиваться. Но директор «Толстолоба» не любил долго грустить. Он возвращался к жизни быстрее, чем судак, брошенный в таз с водой...

«Пройдет еще немного времени, — думал директор, — и культурой обслуживания уже никого не удивишь. И тогда потребуется другое. Потребуется идея. Внезапная, оригинальная, чтоб сразу всех наповал... Что-нибудь, скажем, по линии самообслуживания...»

Утром следующего дня продавцы «Толстолоба» неожиданно пригласили покупателей к просторному кафельному садку, где в зеленоватой толще воды лениво ворочались огромные усатые сомы. Покупатели нерешительно разобрали черпаки.

— Смелее, товарищи, смелее! — потирал руки улыбающийся директор. — Ну, вам какого? — подскочил он к молодой покупательнице, ловко подхватил ближайшую рыбину, стукнул ей по голове молотком, бросил на весы.

— Вот как надо!

Это послужило сигналом. Покупатели ринулись к садку. Раздались возгласы:

— Куда вы лезете с вашим черпаком? Это не ваша рыба!

Три черпака сразу оказались на дне. Возникло замешательство. Какой-то старичок в соломенной шляпе стал торопливо закатывать брюки.

— Нет, это совершенно немыслимо! — заволновался толстый мужчина в дубленке. — Надо всыпать им какого-нибудь снотворного... У меня с собой бромурал... Где директор?

— Это не мой сом! — неслось с противоположной стороны садка. — У моего усы были одинаковые и глаза светлее!

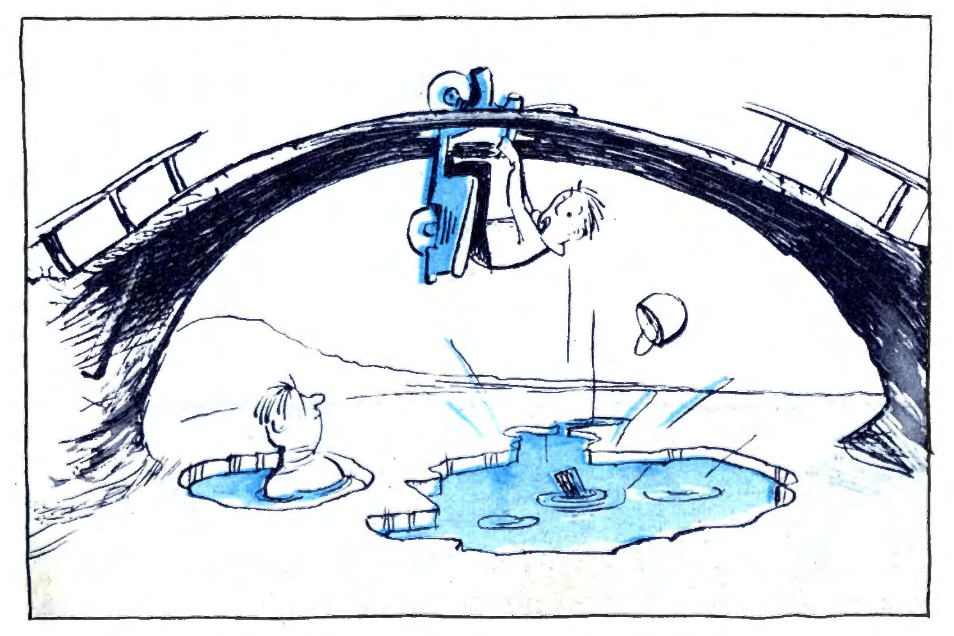
Атмосфера накалялась. Какая-то расторопная покупательница в цветастом платке нащупывала деревянным молотком слабое место огромного сома. Откуда-то появились спиннинг и браконьерская «кошка». Сомы сбились в кучу в одном углу, а над поверхностью воды уже торчала мокрая и напуганная физиономия какого-то неосторожного покупателя. Кто-то в суматохе задел за провод сторожевой сигнализации, и, заглушая общий шум, в дверях завыла сирена, замигали красные лампочки...

После закрытия магазина в садке обнаружили три крепкосоленые селедки, чей-то кошелек, очки и пачку сибирских пельменей.

На другой день директор «Толстолоба» засел за докладную в райпищеторг. В ней он с гордостью уведомлял руководство, что готов хоть завтра перевести на самообслуживание живорыбный отдел магазина, если райторг обеспечит покупателей необходимым снаряжением для подводной охоты.

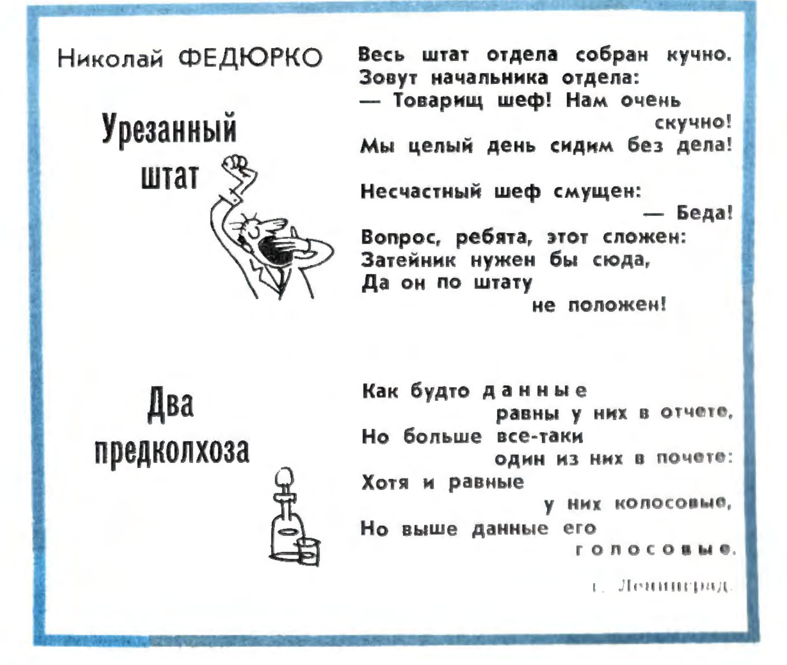
Решающий голос жены.

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Как вода?

Рисунок А. ГРУНИНА

Николай ФЕДЮРКО

Урезанный штат

Весь штат отдела собран кучно.
Зовут начальника отдела:
— Товарищ шеф! Нам очень скучно!
Мы целый день сидим без дела!

Несчастный шеф смущен:
— Беда!
Вопрос, ребята, этот сложен:
Затейник нужен бы сюда,
Да он по штату
не положен!

Два предколхоза

Как будто данные
равны у них в отчете,
Но больше все-таки
один из них в почете:
Хотя и равные
у них колосовые,
Но выше данные его
голосовые.

г. Ленинград

Е. САХАРОВ

Когда я пришел в столовую и сел за стол, мои новые, только что купленные часы показывали ровно полдень. Официанток поблизости не было, поэтому я стал рассматривать циферблат.

Внизу на маленькой оси вращалась секундная стрелка. Я стал следить за нею. Когда она замыкала тридцатый круг, меня кто-то толкнул в плечо.

— Хоть бы посуду со стола собрали! А то сидят, как на базаре...

Это была официантка. Она еще раз толкнула меня подносом и скрылась в кухонном проходе.

Я собрал грязную посуду и сдвинул ее на край стола.

А секундная стрелка заканчивала очередной оборот. Я снова стал считать круги. Опять дошел до тридцати. И тут мне на колени упала ложка.

Я поднял глаза и увидел ту же официантку.

— Нечего глаза пялить! — сказала она, пяля на меня глаза.— Лучше бы помогли отнести посуду в мойку. А то расселись, как на вокзале...

Я взял тарелки и отнес их в мойку.

Часовая стрелка к этому времени передвинулась по циферблату на одно деление. Но заметить ее ход невооруженным глазом было невозможно. Я все-таки попытался...

— Все сидим? — услышал я знакомый голос.— Взяли бы лучше тряпку да вытерли свой стол. А то, как в парикмахерской...

Официантка бросила мне тряпку и поплыла к раздаточному окну.

Я вытер стол и снова занялся часами.

Теперь я стал наблюдать за минутной стрелкой. Она двигалась не так быстро, как секундная, но и не так медленно, как часовая.

— Гражданин! Этот стол не обслуживается.

Передо мной стояла все та же официантка и делала вид, что не видит меня.

Я пересел за соседний столик, задев при этом часами за его острый угол. Часы, кажется, остановились. Я снял их с руки, положил перед собой и стал наблюдать за стрелками.

— У вас совесть есть? — Официантка удивленно вскинула брови, потом резко нахмурила их.— Или вы думаете, что мы без обеда работаем? Как в зоопарке, да?

Я ничего не думал, поэтому поспешно покинул столовую.

Но не успел я пройти по улице и ста шагов, как сзади раздался крик:

— Гражданин, вернитесь! Вернитесь, говорю, а то милицию позову!

За мной бежал мужчина в рабочей спецовке. Он схватил меня за руку:

— Заведующая вернуть вас велела. Что-то там случилось такое...

Я не знал, что могло там случиться, но почувствовал себя виноватым и безропотно последовал за мужчиной в спецовке.

Возле столика, за которым я недавно сидел, стоял весь персонал столовой. Все почему-то улыбались и с восхищением глядели на знакомую мне официантку. А та смущалась и закрывала лицо передником.

Полная женщина в белоснежном халате, по всей видимости заведующая, повернулась ко мне:

— Это ваши часы?

На ее ладони лежали мои новые часы.

— Да,— пролепетал я, не понимая, как они очутились у нее в руке.

— Вы по рассеянности оставили их на столе. А вот эта девушка, официантка Клава, обнаружила пропажу и сейчас безвозмездно передает ее вам...

Заведующая вручила мне часы и по-матерински поцеловала официантку Клаву в висок. Столовая огласилась аплодисментами. Я смущенно топтался на месте, не зная, как вести себя в такой ситуации.

— А вы сядьте! — подсказала заведующая.— И напишите благодарность официантке. Благородный поступок все-таки...

Я сел и написал благодарность.

— Может, и в газету сообщите? — спросила заведующая.

Я пообещал.

— Тогда уж и по радио пусть объявят. Не каждый ведь день клиенты часы в столовой оставляют.

Я согласился, что не каждый.

— Вообще-то отблагодарить бы надо человека. Подарок ей какой-нибудь сделать.— Заведующая пытливо посмотрела на меня.— Пусть другим будет хорошим примером!

Я обшарил свои карманы, но ничего подходящего в них не обнаружил. Все внимательно следили за моими действиями. А официантка Клава снова закрыла лицо передником.

Я взял злополучные часы и торжественно вручил их официантке.

г. Рязань.

МОРОЖЕНОЕ! КОМУ МОРОЖЕНОЕ?

ОВОЩЕХРАНИЛИЩЕ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

В издательстве «Искусство» готовится к печати книга Владимира Полякова «Товарищ Смех». В этой книге автор рассказывает о своих встречах с писателями, художниками, режиссерами, актерами, связавшими свое творчество с жанром сатиры и юмора.

Мы печатаем отрывок из главы, в которой автор вспоминает о своих встречах с М. М. Зощенко.

НАКАЗАНИЕ СМЕХОМ

Владимир ПОЛЯКОВ

В Ленинграде, на Фонтанке, во дворе здания, где помещался банк, был слепенький подъезд с дощечкой «Бегемот» на третьем этаже.

На лестничной площадке стояла большая фигура добродушного бегемота из папье-маше. А дальше, в маленькой комнатке, сидел за столом секретарь редакции Николай Николаевич Черний с лицом, явно не допускающим шуток.

Был 1926 год. Сатирический журнал «Бегемот» считался одним из любимых журналов ленинградцев, и имена его сотрудников Анатолия д'Актиля, Владимира Воинова, Дмитрия Цензора, Владимира Тоболякова, Михаила Андреева, Игнатия Ломакина, Михаила Коварского, Александра Нератова, Ильи Свэна, Константина Мазовского были хорошо знакомы читателям.

Мне было шестнадцать лет, я учился в последнем классе школы и мечтал стать писателем. В моем коленкоровом портфельчике лежало уже двадцать рассказов и сорок анекдотов.

Дрожа от страха, я вошел в редакцию и сказал:

— Здрасте...

— Добрый день,— ответил Черний. Рядом с ним сидел высокий, худощавый — на английский манер — человек с глазами, в которых притаились хитринки. Он был безукоризненно одет и столь же безукоризненно вежлив. Это был знаменитый художник-карикатурист Николай Эрнестович Радлов.

— Мне бы хотелось увидеть товарища Зощенко,— сказал я, замирая в ожидании ответа.

— Его нет в редакции,— сказал Радлов,— но, может быть, мы сумеем его заменить?

— Зощенко заменить нельзя! — сказал я и тут же подумал, что сказал бестактность.

— Это, конечно, верно,—сказал Радлов,— мы тоже склонны так думать, но, если вы принесли в редакцию свои рукописи, для этого не обязателен Зощенко. Мы тоже кое-что понимаем. Можете нам поверить.

И в этот момент в комнату вошел скромный, даже немного застенчивый молодой человек в довольно обычном пальто и в кепочке.

— Здравствуйте, — сказал он.— Какие новости?

— Вот вам и незаменимый Зощенко,— сказал Радлов.

— Почему «незаменимый»? — спросил Михаил Михайлович.

— А это уже объяснит товарищ,— сказал Черний.

— Объясните мне,— попросил Зощенко и провел меня в соседний маленький кабинет.

Он снял пальто и повесил его на гвоздик за шкафом. Писатель был в неброском клетчатом пиджаке. Из кармана выглядывал аккуратный белый платочек. На идеально отглаженной сорочке — симпатичный, хорошо повязанный галстук. Но самое главное — это были глаза. Большие, темно-карие, глубокие, внимательно вглядывающиеся в вас. Очень добрые и в то же время печальные глаза. Они смотрели, пытаясь объять вас всего, казалось, это был какой-то разлив глаз...

Мы сидели у стола, на котором лежало много рукописей. Зощенко молчал и с интересом меня разглядывал. Так он смотрел на всех.

Я ждал, пока он что-нибудь скажет, а он вежливо ждал, пока что-нибудь скажу я. Наконец это, видимо, ему надоело, и он сказал:

— Я вас слушаю.

Я рассказал, как мечтал с ним встретиться, как хочу писать и как жажду быть напечатанным в «Бегемоте».

— Дайте почитать что-нибудь,— сказал он.

Я достал из портфельчика рассказ. Он назывался «Ося».

— Разница с Тургеневым только в одной букве,—сказал Зощенко.—У Тургенева была «Ася».

И начал читать, листая страницу за страницей. Я сидел ни жив ни мертв.

— Рассказа не получилось,— сказал он.— Такое ощущение, что вы сели его писать, не продумав, как вы его напишете. Вы писали без плана. Правда? И вы не слишком озабочены тем, как пишете. Что это у вас за фраза: «Она была девушкой в полном смысле этого слова»? А вот: «Она смотрела в зеркало на свое лицо, нос, шею, плечи, пока не дошла до ручки». Вы думаете, это остроумно?

Я растерялся и ничего не ответил.

— Оставьте свои рукописи и заходите в следующую субботу в это же время.

Мне показалось, что он смотрел на меня с грустью.

В следующую субботу я примчался в редакцию. В комнате, кроме Зощенко, сидели художник Б. Антоновский с лицом, похожим на улыбающуюся луну; весь какой-то заостренный, как бы написанный тонким пером, карикатурист Б. Малаховский и писатель К. Мазовский, больше похожий на скромного патера, нежели на писателя-сатирика.

Михаил Михайлович опять увел меня в соседнюю комнату.

— Я не хотел, чтобы кто-нибудь был свидетелем нашей беседы,— сказал он.— Все плохо. Не смешно, не жизненно. А главное — нет смысла. Надуманные остроты, недорогие каламбуры. Юмор должен рождаться от образа, от характера описываемого вами человека, от точки зрения автора. А наспех притянутые ни с того ни с сего остроты не играют. Скажите, почему вы пишете о писателях и художниках? Вы их хорошо знаете?

— Нет.

— Как же вы пишете? Писать надо только о тех людях, которых вы знаете. Что вы делаете? Работаете? Учитесь?

— Заканчиваю школу.

— Попробуйте написать о школьниках, о своих учителях и родителях. Вы никогда не пробовали поставить себя на место папы и мамы, а их — на свое место? Тут есть возможность для смешного рассказа. И не думайте, что юмористический рассказ обязательно должен вызывать хохот. Если ваш смешной рассказ вызовет у кого-то слезы, это гораздо дороже. А самое главное, больше читайте и старайтесь понять, как написан тот или иной рассказ, почему и во имя чего он написан. Учитесь писать, читая.

Через неделю я принес новую пачку рассказов. Еще через неделю Зощенко мне ее вернул примерно с таким же отзывом. Тогда через пять дней я принес пачку вдвое большую. На лице Зощенко был написан страх.

А ведь он был смелым человеком. Во время первой мировой войны Зощенко получил «георгия». Но он стал бояться моего прихода. А сказать мне «хватит» он в силу своей деликатности не мог.

Так я его терроризировал своими посещениями три месяца. Полное собрание моих сочинений к тому времени составило уже добрых две сотни рассказов. И каково же было мое счастье, когда однажды Михаил Михайлович не увел меня в соседнюю комнату, а в присутствии художников Радлова и Василия Лебедева сказал:

— Мы приняли ваш рассказ. Читайте его в очередном номере.

С тех пор, кажется, мы с ним подружились. Во всяком случае, потом он часто делился со мной своими замыслами и читал куски из еще не написанных рассказов и пьес.

— Хочу написать пьесу для театра малых форм,— сказал он мне как-то.— Это будет заседание исторических памятников Петербурга: Екатерина Вторая со своими фаворитами, Медный всадник со змеей, Николай Первый, Александр Третий — словом, сборище чугунных царей. Покажу всю их чугунность... Все пишут исторические пьесы, почему бы и мне не написать? Только я скажу обо всех царствующих особах.

Пьеса эта была написана за шесть дней и с блеском поставлена режиссером В. Раппопортом в Ленинградском театре малых форм под названием «Культурное наследие».

За оградой, где стояли снесенные или готовящиеся к сносу царские памятники, сидел на лавочке старик в валенках и разглагольствовал:

«Нет, я за все памятники горой не стою. Ну, сняли этого, как его, длинноногого обалдуя этого, Николая Николаевича. Пожалуйста! Я сам согласен его за обе ноги тянуть. Он мне красоты не дает. Или сняли этого ангела с колонны. Вот эта морда стоит. Я тоже приветствую это начинание. Он мне ничего не говорит ни уму ни сердцу. К тому же он не на лошади — он пешком...»

Екатерина говорила: «Бывало, выпьешь кофию — зовешь любимую фрейлину. Настасьюшка, говоришь, а кто у меня сегодня, для примеру, назначен фаворитом?»

Александр III исполнял куплеты:

«Бывало, вспашешь пашенку,
Лошадок уберешь,
А сам тропой знакомою
На трон себе идешь.
Ну там подпишешь приговор,
И легче на душе,
А после выпьешь рюмочку
С французским атташе...»

Да, Зощенко любил театр. И сам очень любил играть в «театр». В гостинице «Европейская» однажды остановился приехавший из Москвы режиссер Давыд Гутман. К нему в номер пришли Зощенко и Юрий Олеша. Посчастливилось быть там в этот день и мне.

Была осень. За окном моросил унылый дождь, подвывал ветер, было довольно тоскливо.

— Давайте задушим скуку,— предложил Олеша.

— Оркестр исполняет «Собачий вальс»,— сказал Зощенко.

— Кто хозяин? — спросил Олеша.— Миша, вы будете хозяином.

— Здрасте, граждане гости,— сказал Михаил Михайлович,— заходите, садитесь, кому на чем нравится. Ничего особо дефицитного у меня нет, но поллитра и повидло-джем могу поставить.

— Ах, что вы, что вы! — сказал Гутман, изображая кокетливую красотку.— Разве дело в этом? Я счастлива, что сегодня вращаюсь в таком обществе.

— Общество, конечно, будь здоров,— сказал Зощенко.— А вы, Всеволод Полидорович, тоже, я извиняюсь, непьющий? — обратился он к Олеше.

Олеша, гордо подняв голову, сказал:

— Абсольман! Все, что было можно, мною уже выпито до семнадцатого года. Ах, какие были вина, коньяки, аперитивы! О, мон дье! Ожурдюи — только кефир, простокваша э цетара...

— Какие свитера? — спросил Зощенко.

— «Э цетера» — это непереводимая игра слов,— сказал Олеша.— Попросите оркестр исполнить вальс «На сопках Маньчжурии».

— Послушайте, Анна Матвеевна, а чего это вы сидите как и не здесь? — обратился Зощенко ко мне.

— Я больная,— сказал я,— у меня очередная мигрень. Уж вы танцуйте, а я посижу и помечтаю.

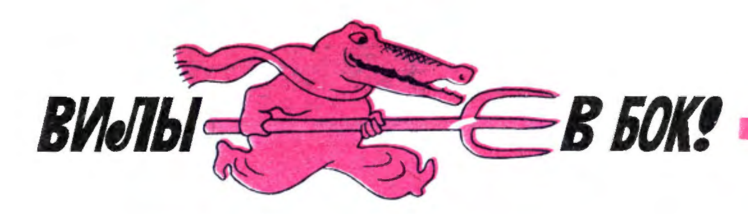
— Я всегда говорил, что в нашей Аннет есть что-то загадочное. Но что?— воскликнул Олеша.

Такие игры бывали очень часто. В них любили играть Зощенко, Олеша, Хенкин, Утесов. И они всем доставляли огромное удовольствие.

Зощенко любил цирк, особенно буффонадных клоунов. Мы вместе смотрели антре Коко и Ролланда. Это была старая классическая клоунада с обливанием водой. Белый клоун Ролланд, в своем ослепительно сверкающем, как звездное небо, костюме, в утрированных галифе, в белоснежных чулках и таком же маленьком колпачке, стоял у подножия стремянки и держал в поднятых руках большую воронку. А рыжий Коко, в просторном коричневом пиджаке, в широченных брюках и в гигантских туфлях, нес в ведре воду, чтобы налить в воронку и облить своего партнера. Но рыжему не везет. Он спотыкается по пути и проливает воду. Он тащит целое корыто с водой, лезет на стремянку и громыхает с нее вниз, окатывая потоком воды самого себя...

Серьезность, с какой это делает Коко, беззаветная отдача этому делу, его отчаяние безумно смешны. И Зощенко хохочет, как ребенок. Хохочет не он один. Хохочет весь цирк.

— Казалось, в том, что человек падает и обливается водой, нет ничего смешного. Но, когда это происходит с человеком, задумавшим диверсию, это смех торжествующей правды,— говорил Михаил Михайлович.— Это — наказание смехом...

ПОЗВОЛЬТЕ ВОЗРАЗИТЬ

на Ваше письмо, уважаемый тов. Повреснюк В. П. из города Фрунзе. Вы жалуетесь на фабрику химчистки родного города, а фабрика здесь ни при чем. Посудите сами: Вы сдали костюм, фабрика поработала над ним, взяла с Вас два с полтиной и сделала попытку вернуть Вам костюм почти вовремя. Вы злостно отказались принять вещь под предлогом пятен на пиджаке. В отличие от Вас фабрика повела себя по-джентльменски. Она снова взяла вещь, дважды пропустила ее через таинственное НК и написала на обороте квитанции остро отточенным карандашом: «Через НК пропущен дважды, грязь не отходит». Ознакомившись с надписью, Вы унесли костюм домой и там коварно отделили его от пятен. Так кто же виноват, кроме Вас, товарищ? Впредь, сдавая вещи в химчистку, не забывайте письменно сообщить рецепт чистки.

По поручению Крокодила
Р. ТИМОВ

Как это было...

Вот вопрос: почему нехитрый прибор электрофотоглянцеватель — вещь, нужная миллионам фотолюбителей,— сконструирован и сработан так, что хуже некуда? Ну, просто невозможно сделать хуже!..

Я, конечно, не стоял у колыбели этого прибора, когда товарищи с Рижского завода электроустановочных изделий и с закарпатского «Мукачевприбора» обсуждали проект своего детища. Но представить себе это обсуждение очень даже могу.

...— Мы собрались, чтобы обсудить, нельзя ли изделие ЭФГ, соответствующее ТУ 4Б2-66, сделать еще сквернее и неудобнее. Все ли возможности в этом направлении нами использованы, все ли резервы исчерпаны?.. Кто просит слова? Пожалуйста.

— Тут есть, видите ли, так называемое прижимное полотно. Не применить ли нам для его изготовления ткань, которая раз от раза садится? Как шагреневая кожа?! Фотолюбитель не успеет и оглянуться, как снимки у него будут закрываться не полностью, а только наполовину. То-то будет ему глянец!..

— Что ж, это мысль. Такая простая и в то же время... Пожалуйста, следующий.

— Мы тут творческую группу вокруг этого же полотна создали. Предлагаем крепить его так, чтобы снизу оно побыстрее рвалось, а сверху — почаще выскакивало из этой, как ее, обжимной скобы. Пусть-ка любитель помучается...

— Дешево и сердито! Предложение принято. Активнее, товарищи... Кто еще хочет высказаться?

— Разрешите мне... Я бьюсь над тем, чтобы фотолюбитель все время вынужден был хвататься за эти вот раскаленные пластины. А заодно — и раниться об их острые края. Представьте, как будет он прыгать вокруг нашего славного агрегата, дуть на пальцы и выражаться разными нехорошими словами...

— А и верно, вот это будет зрелище! Еще есть предложения?

— Разрешите... Мною разработан один сюрприз с шумовым эффектом. Вот, смотрите, замок. Так надо, чтобы держал он еле-еле. Зачем? Чуть человек отошел — глянцевательные пластины падают со страшным звоном!..

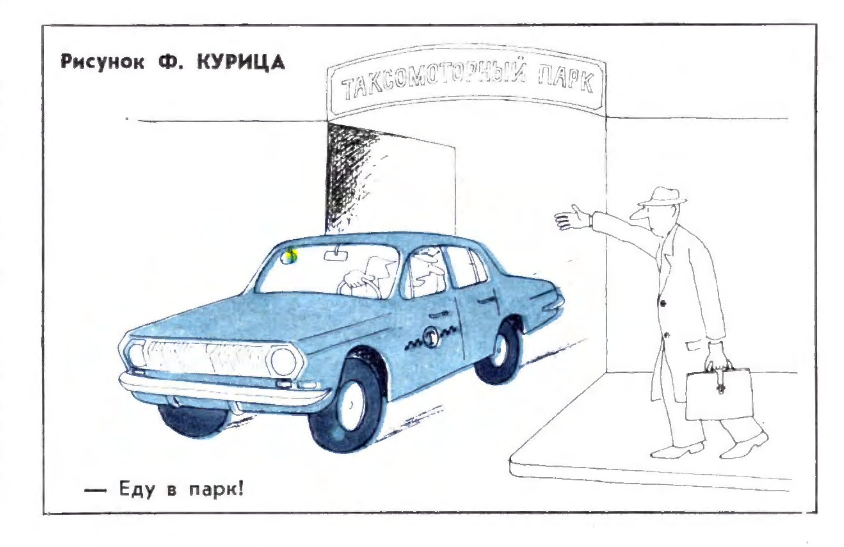
— Остроумно. Думаю, можно даже оформить как рацпредложение... А вы, товарищ, возражаете?

— Наоборот! Беда в том, что фотолюбитель — он на выдумки хитер. Он наши замки своими бельевыми прищепками дополнит. Но мы будем не мы, если... В общем, мало, что пластины со звоном вываливаются! Надо, чтобы весь агрегат вдруг ни с того ни с сего с грохотом падал! Трудно ли нам сделать его неустойчивым?!.

— Конечно, нетрудно!.. За работу, коллеги!

В. ЗАПОРОЖЧЕНКО

г. Кемерово

— Еду в парк!

Дорогой Крокодил!

В парикмахерской № 64 гор. Куйбышева у парикмахера — молодого специалиста — вышла из строя электромашинка, а ручной он работать не может, потому что нет навыка. В ГПТУ его этому за два года не научили.

Так что, если встретишь человека с головой, остриженной наполовину, не удивляйся. Это не беглый каторжник, а я — жертва мастера с незаконченным профтехобразованием.

А. КОРНОУХОВ

г. Куйбышев.

ОТ КРОКОДИЛА:

Дорогой тов. Корноухов!

Не расстраивайтесь. Надо думать, что в ГПТУ вашего города обучение парикмахеров будет продлено еще на один год, в течение которого учащиеся освоят курс ручной машинки. Итак, выше голову! Или хотя бы ее стриженую часть...

Из Европы — в Азию

Ох, нелегко перебраться из одной части света в другую! Первопроходцам — тем еще ничего было, они ведь такой путь проделывали нечасто. А каково нам, магнитогорцам, особенно тем, что живут на одной стороне Урал-реки, а работают на другой? Каждый день путешествуем из Европы в Азию и обратно. И трудностей на нашем пути не меньше, чем у первопроходцев.

Судите сами. Долгими часами стоим в ожидании автобусов маршрутов №№ 17 и 20. И никакие статьи в местных газетах не помогают. Не только зимой по льду, но даже и летом вплавь могутную реку можно преодолеть куда быстрее, чем пользуясь автотранспортом. А едешь в автобусе, стоя на одной ноге, зажатый со всех сторон, как в тисках, не смея вздохнуть.

Дирекция автобусного парка жалуется, что машины у них очень старые, а потому очень капризные. Ломаются на каждом шагу, а ремонтировать некому. Слесарей не хватает. Условия труда, дескать, в ветхозаветном гараже никудышные. Новый же гараж строится шесть лет. Ермак Тимофеевич быстрее пол-Сибири прошел!

Словом, кто думает, что путь из Европы в Азию и обратно — дело легкое, пусть приезжает в Магнитогорск.

И. ПОЧТАРЕВ

г. Магнитогорск.

УГАСШАЯ «КОМЕТА»

Три года назад я соорудил модель самолета. И, переслав в Москву центральной базе «Посылторга» 9 рублей 50 копеек, получил по почте микродвигатель «Комета».

У «Кометы» оказался хвост в виде письма, которое предупредительно сообщало, что, ежели двигатель не будет заводиться, его надлежи вернуть базе либо предприятию-изготовителю.

Двигатель не заводился, и я его, естественно, отослал обратно. В ответ оперативно получил письменное обещание быстрой замены.

Все последующие тридцать шесть месяцев я отправлял напоминания, но мне больше не отвечали. Несмотря на то, что центральная база «Посылторга» находится именно на Авиамоторной улице...

В. ЧИНДЯСКИН

Совхоз «Буртинский»,
Оренбургской области.

Веник надежнее

— Ладно, — сказал новоиспеченный владелец пылесоса «Уралец» Шалопаев,— ежели пылесос чисткой ковровых дорожек пренебрегает, поменяю-ка я технику капризную на технику покладистую.

Взял Шалопаев да и поехал за сто с лишним километров. Прямо в Мигнинский сельмаг Ермаковского района, Красноярского края, где четыре дня назад купил на свою голову пылесос «Уралец». А в сельмаге ему вежливо так отвечают:

— Поезжайте домой, мы здесь вам не меновая лавочка.

Делать нечего. Поехал Шалопаев к себе в Минусинск. Там в местной мастерской «Рембыттехника» мастер Тюльков нашел в пылесосе маленький дефект, допущенный заводом «Южуралэлектромотор». Пылесос отправили туда на доработку. Спустя два месяца его вернули. И он без особых препирательств вычистил ковровые дорожки.

Как люди доверчивы и как быстро привыкают к необычному! Шалопаевы решили, что такое и назавтра повторится.

Но ничего подобного не случилось. Назавтра дорожки чистили они обыкновенным веником.

Так стоило ли посылать пылесос на завод? А заводу вырезать в техническом паспорте пылесоса талон гарантийного ремонта?

О. АРТЫНСКИЙ

А Я РАДОВАЛСЯ...

Все началось с того, что мне в голову пришла идея написать книгу. А когда она была написана, рукописный текст понадобилось переделать в машинопись.

И пошел я искать писчую бумагу. От руки писать можно на чем хочешь: Эйнштейн, говорят, любил писать на старых конвертах. А машинка специальной бумаги требует.

Обошел я все краснодарские магазины, имеющие хоть какое-то отношение к бумаге, ответ везде один: нету! Иду мимо магазина «Детский мир», что в доме 76 на улице Красной, дай, думаю, зайду, чем черт не шутит! Заискивающим голосом спрашиваю директора: «У вас не найдется для меня тысяча листов писчей бумаги, уважаемая Софья Никнтишна?»

Директор вызывает заведующую секцией. Та говорит: «Хотя мы бумагой писчей не торгуем, но, как ни странно, у нас она есть».

Софья Никитична подумала и сказала, чтоб бумагу мне продали. Обрадовался я и пошел с зав. секцией на склад. А на складе она мне говорит: «Знаете, есть-то она есть, но завалена больно далеко, и достать я ее сейчас не могу. Приходите завтра, что ли».

Обрадовался я еще раз, но уже в меру. Прихожу назавтра. Зав. секцией говорит: «В данный текущий момент я бумагу отпустить не могу. Зайдите на той неделе».

Понял тут я, что радоваться мне было рановато. Но все же захожу на будущей неделе. В ответ слышу: «Бумага-то есть, да у нас трубу прорвало и много товару подмочило. В каком состоянии сейчас эта бумага, я и не знаю».

В общем, заходил я в магазин ровно семь раз. И больше не выдержал, перестал.

А чтобы написать это письмо, я стянул два листа бумаги у старшей машинистки нашего института. Простите меня за это, Анна Ивановна!

Е. ВЕЛИЧКО,
профессор

г. Краснодар.

— А мне это на руку!

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

ГАЛАНТ...
перчаток нет
10р
15р
12р

НИЧЕГО СТРАШНОГО

Рабочий Юрий Баданин занемог. Утром он ушел не на работу, а в свою железнодорожную поликлинику станции Омск. Там его записали на прием.

Сидит Ю. Баданин возле дверей кабинета час, сидит второй... Врач никого не принимает. От нечего делать пошел по коридору, остановился у доски объявлений. Стал читать.

«Сегодня,— говорилось в одном объявлении,— в 10 часов заседание месткома поликлиники в кабинете 38».

«Сегодня,— гласило другое объявление,— в 13 часов 45 минут состоится профсоюзное собрание. Явка обязательна».

— Ого! — воскликнул Ю. Баданин.— Тут я, видно, до вечера промаюсь, ожидая приема!

А через дверь в коридор глухо доносятся слова: «Вязать!», «Трясти!», «Ребром!».

— Что там происходит! Кого хотят связать и трясти! — тревожно спросил Баданин.

На лице у регистраторши мелькнула улыбка.

— Успокойтесь! — сказала она. — Ничего страшного. В кабинете вашего врача никого не вяжут, никого не трясут и никого не ставят на ребро. Там с утра идет совещание врачей. Они обсуждают вопрос об улучшении обслуживания больных. И, как обычно, говорят на совещании известные слова: надо, дескать, вопрос увязать, трясти, поставить ребром.

И Баданин успокоился.

И. СТОЛЯРОВ

Ю. БОРИН, Л. СЕГАЛЬ,
специальные корреспонденты Крокодила

ПРОБЛЕМА СО СКРИПОМ

Провожали на пенсию ночного сторожа Митрича. Провожали с почетом. Сослуживцы собрали 33 рубля и купили ценный подарок — пружинный матрац. Дескать, спи спокойно, дорогой товарищ, охранять тебе, окромя своего сна, теперича нечего.

Но дорогому товарищу спокойно не спится. На дежурстве, бывало, не добудишься. А тут сон как рукой сняло. Димедрол не помогает, седуксен не действует, нембутал не одолевает. Всю ночь валяется Митрич, глаз не сомкнет, утром встает серый, как валенок.

Врачи качают резиновой грушей аппарат Риварочи, толкуют про психологический стресс, связанный с изменением ритма жизни после перехода на социальное обеспечение. А Митричу невмоготу. С одной стороны, спать хочется, с другой стороны, не спится. Тяжелый медицинский казус.

Ну, откуда же врачам знать, что причину надобно искать не в Митриче, а под ним? А если точнее — в матраце производства Черняховского деревообрабатывающего комбината (Калининградская область).

Оказывается, Черняховский ДОК, не желая отстать от научно-технического прогресса, освоил производство пружинных матрацев по новой технологии. Если раньше данный агрегат состоял из отдельно взятых пружин, ненадежно связанных бечевкой, то теперь спящую единицу держит во взвешенном состоянии единый пружинный панцирь.

Все бы хорошо, но неожиданно поднялся шум. Неожиданно 754 черняховских матраца, прибывших в Ленинград, забраковали на базе Ленмебельторга. Их забраковали как-то ненаучно. Попросту говоря, сели на них. Сперва сели на один, потом на другой, потом на семьсот пятьдесят четвертый. Во время этой процедуры матрацы вели себя странно. Они гремели.

Казалось бы, зачем матрацу греметь? Он не реактивный самолет, не свайная баба и не электрическая бритва «Нева». И тем не менее. Ляжешь — громыхает. Повернешься — тарахтит. Шевельнешься — скрипит. Чихнешь — дребезжит.

Ленмебельторг изложил свои претензии в письменном виде и потребовал от Черняховского ДОКа выплатить штраф за поставку недоброкачественной продукции.

Черняховский ДОК, естественно, отказался.

Мебельторг обратился в Калининградский областной арбитраж. Арбитраж, естественно, удивился.

— То есть как? — спросил арбитраж.— Браковать матрацы за шум? А где написано, что матрац не должен шуметь?

— Гм...— смутились мебельторговцы.— Вообще-то, конечно, но ведь спать невозможно. Попробуйте полежите.

— Ежели нам по каждому делу лежать, тогда, пардон, некогда будет работать,— умудренно ответил арбитраж.

Ленинградцы с жалобой — в Калининградский облисполком. Облисполком в лице секретаря Т. Дмитриенко жалобу решительно отклонил:

— Арбитраж прав. Установите, на каком этапе шум в матраце превращается в производственный дефект. Дайте заключение специалистов.

Вот тогда-то вопрос о гремящих матрацах перешел из сферы производственно-юридической в сферу научно-теоретическую. Началась дискуссия на тему: «Может ли обыкновенный матрац быть источником шума или не может?!»

Торговая сеть выдвинула рабочую гипотезу: может. И пыталась доказать ее органолептическим путем (путем возлегания).

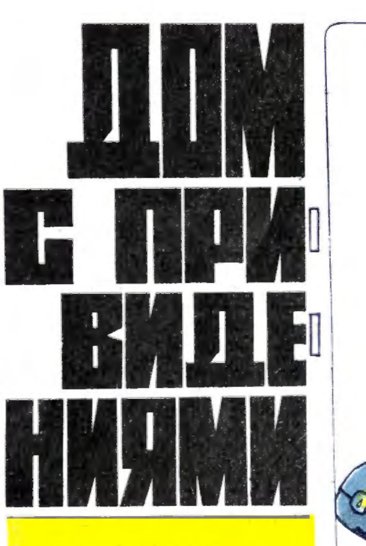
Производственники категорически отмели гипотезу и документально доказали, что не может. Ни в гостах, ни в технических условиях о шуме не сказано ни слова. А госты, как известно, не врут.

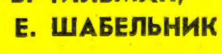
После чего решение спора перенесли в высокую научную инстанцию — Всесоюзный проектно-конструкторский и технологический институт мебели. И заместитель директора института по научной работе товарищ В. Бухтияров с глубоким научным прискорбием в письменном виде признал: «В настоящее время методы измерения шума, а также нормы шума для изделий мягкой мебели не установлены».

Надо думать, что со временем ученые установят, какой силы шум (в децибелах) имеет право издавать мягкая мебель. Пока же 754 матраца покатили из Ленинграда обратно в Черняховск, а бывший ночной сторож Митрич выкинул дареный агрегат и купил себе другой матрац. Нормальный.

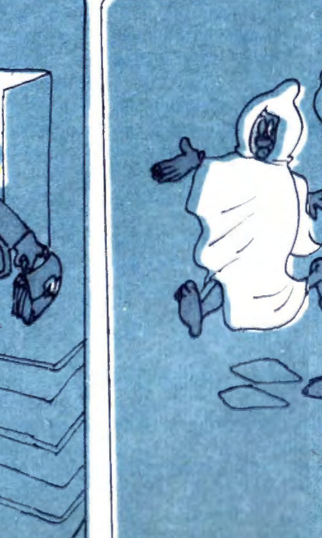
Митричу не до научных проблем, ему спать охота.

г. Ленинград.

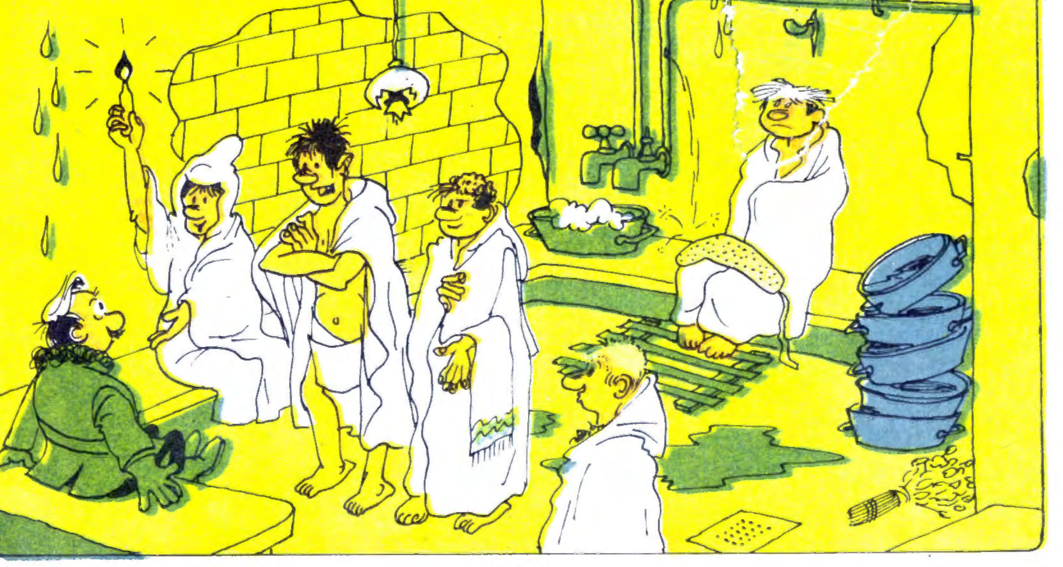

— Товарищ заведующий, когда же будет горячая вода?

Ник. ШИММЕЛЬ

Валютные страсти

Капиталистический рынок валют всегда был похож на боксерский ринг в разгар матча на первенство мира. А теперь положение на этом рынке таково, что не поймешь, то ли это ринг, то ли цирковая арена. Скорее всего, и то и другое разом.

В самом деле, прежде на этом ринге соблюдались какие-то правила, хотя, конечно, не всегда. Бились, скажем, парами, например, Фунт и Франк, Марка и Иена. Общепризнанным судьей международной категории считался американец Доллар. Правда, на эту роль нередко претендовал и англичанин Фунт, но ему разрешали судить только на зональных соревнованиях — в так называемой стерлинговой зоне. А на мировом рынке судил Доллар. Он дирижировал схваткой, наказывал за непослушание, нередко «подсуживал» приятелям и предопределял исход боя.

Но со временем мистер Доллар ослабел, а к нашим дням и вовсе выдохся. Слишком много сил отдал он авантюрам Пентагона. Это сразу заметили участники схваток на валютном ринге. И в конце концов не только перестали его слушаться, но даже сами пинать его стали кто как может, так что на ринге теперь началась вселенская свалка. В результате мистер Доллар потерял всякую устойчивость и, кроме того, стал явно щербатым.

Тогда Доллар пошел на хитрость: стал всех шантажировать, заявляя, что если он уйдет с ринга, то там начнется такой хаос и неразбериха, что пострадают все: и Фунт, и Марка, и Франк, и Иена, не говоря уже о всяких Гульденах, Лирах и Песетах.

Это несколько охладило страсти на валютном ринге, и вот в бывшей судейской комнате, в Вашингтоне, собралась 17 декабря на совет первая десятка валют международного класса — десять членов Международного валютного фонда. Собралась, чтобы договориться, как навести хотя бы самый элементарный порядок на валютном ринге с наименьшими потерями для дерущихся. Однако, поскольку каждый думал больше всего о собственном благополучии, потасовка вспыхнула с новой силой. Причем больше всех досталось злосчастному Доллару. Стычка продолжалась два дня, и Доллару пришлось уступить. Он вынужден был согласиться на 8-процентное похудание. Так что если раньше за унцию золота достаточно было заплатить 35 долларов, то теперь надо будет отвалить 38.

Однако далее начинается настоящий цирк (неспроста матчи по боксу часто проводят в помещении цирков).

Глазам мирового зрителя предстала захватывающая программа в трех отделениях.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — упражнение с подкидной доской. Доллар грузно спрыгивает с былой высоты, а курсы других валют, наоборот, подпрыгивают. Однако ослепительных улыбок «на публику» не наблюдается. Оно, впрочем, и понятно: японская Иена и западногерманская Марка поступились своими позициями в пользу Доллара — согласились на значительную ревальвацию, что дает Доллару возможность наводнить Японию и ФРГ своими товарами.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ — водная феерия под названием «Плавающий курс». Некоторые западные страны норовят не фиксировать жестко курс своих валют — так больше возможностей для маневра. Больше-то оно больше, да покоя все равно нет: тот же Доллар мешает им держаться на поверхности.

ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ — иллюзион с карточными домиками под девизом «Все хорошо, что хорошо кончается».

— Дамы и господа, почтеннейшая публика! — обращается Доллар к мировой аудитории.— Извольте убедиться — стройная система западных валют зиждется на прочной основе!..

Однако аудитория сильно сомневается в долговечности карточного домика. Очередное валютно-финансовое цунами — и сегодняшнюю «устойчивость» поминай как звали...

Рисунки В. ШКАРБАНА, Л. САМОЙЛОВА, В. ТИЛЬМАНА

Г. АРИЕВИЧ

КОГДА ИСТИНА НЕ В ВИНЕ

Уже все здания правительственных оффисов на Уайтхолле погрузились во тьму после напряженного рабочего дня. И только окна конференц-зала британского министерства внутренних дел все еще были ярко освещены. Там затянулось совещание. Оно снова было посвящено положению в Северной Ирландии. Но на этот раз разговор шел не о применении резиновых пуль и нейлоновых сетей для разгона демонстраций.

Приглашенные журналисты с почтением внимали мягко рокочущему баритону помощника министра.

— Джентльмены, мы решили пригласить вас сюда, чтобы попытаться вместе выработать какую-то разумную линию освещения ольстерских событий. Нужно элегантно объяснить читателю причины э-э... беспорядков.

Наступило тягостное молчание. Его нарушил молодой человек с гривой черных вьющихся волос.

— Социально-экономические проблемы Северной Ирландии...— робко начал он.

— Бога ради, оставьте в покое социально-экономические проблемы! — взорвался помощник министра.

— Ну да, я и хотел сказать,— заторопился гривастый,— что они ничего не объясняют. Во всем виноваты красные, которые руководят с Востока.

— Отличный аргумент,— включился в беседу седовласый журналист,— и столь же универсальный, но боюсь, что он, увы, поистерся от частого употребления. Кто в него сейчас поверит? Уж лучше по-прежнему валить все на религиозный фанатизм.

— Мне кажется, джентльмены, у меня родилась гениальная идея,— скромно изрек гривастый.— Все зло в алкоголе.

— ???— Одни брови хмурились, другие удивленно ползли вверх.

— Ну как же! — горячился гривастый.— Агрессивность возрастает прямо пропорционально количеству выпитого. Хулиганы становятся задиристей, а фанатики — непримиримее.

— Прекрасно! — просиял помощник министра.— Джентльмены, по-моему, это неплохая мысль. Широкое распространение алкоголя в Северной Ирландии — вот причина агрессивности жителей Ольстера. Следовательно, мы посылаем наших доблестных солдат для усмирения разбушевавшихся алкоголиков и поддержания спокойствия и порядка. Мы на верном пути, господа!

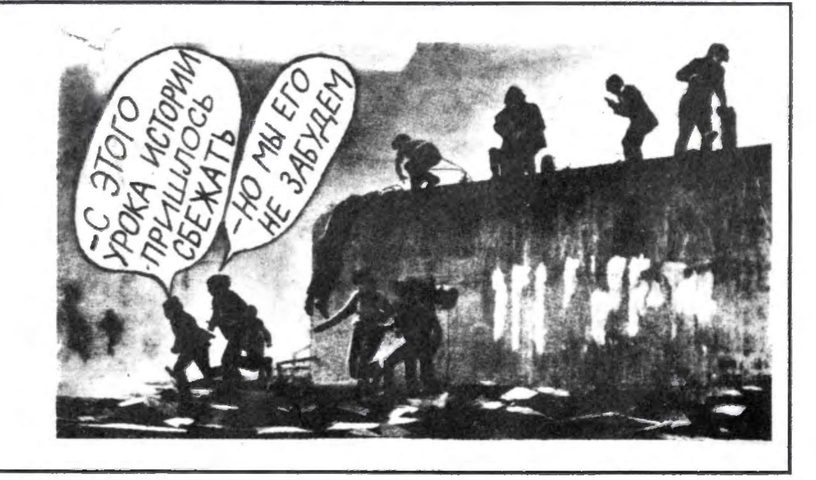
Поднялся общий шум. Участники совещания говорили наперебой, подчеркивая все новые достоинства выдвинутой идеи. Современна, неизбита, с ее помощью даже введение закона о чрезвычайных полномочиях (арест и заключение без суда и следствия на неопределенное время) легко и удобно трактовать как вполне оправданную изоляцию злостных алкоголиков от общества. Пытки заключенных? Помилуйте, всего лишь новейший способ лечения от запоя.

Результаты совещания в министерстве внутренних дел стали ощущаться очень быстро. На другой же день комментатор Би-Би-Си предложил в своей передаче радикальное лекарство от ольстерского недуга: сократить на уикэнд продажу спиртных напитков в Белфасте и Лондондерри.

Немного погодя корреспондент агентства Рейтер предложил закрыть пару пивных заводов близ североирландской столицы. За ним и другие обозреватели, опьяненные новой идеей, выступили со своими вариациями на тему «ольстерского алкоголизма».

Одна только закавыка осталась. Ни один мало-мальски трезвый англичанин всерьез эти предложения принять не может.

На снимке из журнала «Тайм» (США): ирландские школьники спасаются от английских карателей, применивших слезоточивый газ.

АКУЛЫ В ЗАЛИВЕ

Георгий ОСИПОВ

Странный код «Акуле идти за камсой» был принят в радиорубке глубокой ночью. Сонный шифровальщик, зная крутой нрав адмирала, хватил для храбрости стакан джина и пошел будить его.

— Сэр, шифровка из Вашингтона. Приказано вручить немедленно в собственные руки в дополнение к ранее данным инструкциям...

— Поднять личный состав по боевой тревоге! — приказал адмирал.— Свистать всех наверх!

Еще не наступил рассвет, когда ударный авианосец «Энтерпрайз» на полной скорости покинул Тонкинский залив. Он шел к берегам Индостана, в другой залив — Бенгальский.

— Полный вперед! — командовал адмирал.— Соотечественники в опасности! Готовность номер один!

Шифровка из Пентагона ставила перед личным составом авианосца «Энтерпрайз» боевую задачу чрезвычайной важности: принять на борт группу американских служащих («камсу»), застрявших в Дакке в момент индо-пакистанского конфликта.

Для выполнения столь рискованной боевой операции «Энтерпрайз» ощетинился ста самолетами-ракетоносцами, истребителями-перехватчиками, мощными радарами, дальнобойной и зенитной артиллерией, а кроме того, взял на борт морскую пехоту. Еще бы! Ему предстояло эвакуировать из Восточной Бенгалии... трех клерков, пять торговцев, восемь секретарш и одного агента ЦРУ.

— Сэр,— обратился на оперативном совещании к командиру корабля дежурный офицер,— по сведениям из Дакки, наши соотечественники наряду с другими иностранцами находятся в полной безопасности в отеле «Континенталь». Их опекает Красный Крест.

— Красный?! — ужаснулся адмирал.— Этого еще не хватало! Потребуйте от командования флота усиления нашей группы оперативным подкреплением!

— О'кэй! — ответили в штабе 7-го флота США и отправили на помощь эскадре в Бенгальский залив подводную лодку, эскадренный миноносец, два крейсера и четыре минных тральщика.

— Это очень кстати,— сказал адмирал, потирая руки.— Все может случиться. Воздушная разведка доносит, что отель «Континенталь» — это шестнадцатиэтажный небоскреб. А вдруг нам придется брать его на абордаж приступом с моря и буксировать в Штаты?

— Сэр, как будем грузить «камсу»? — спросил дежурный офицер. — Я предлагаю клерков погрузить на эсминец, торговцев — по двое на каждый тральщик, агента ЦРУ упрятать в подлодку, а секретарш можно взять к нам на «Энтерпрайз». Устроим шикарный новогодний бал. Гейши с Окинавы и девицы из Манилы уже порядком надоели нашим доблестным морякам, воюющим во Вьетнаме девять лет.

— Браво, браво! — закричали офицеры.

— Идея! — резюмировал командир авианосца.— Все же белые женщины не чета цветным. Но сначала надо их вызволить. Проверьте готовность всех взлетных палуб...

Мы с удовольствием продолжили бы описание трогательной версии Белого дома о том, как 7-й флот спешил к индийским берегам для вызволения горстки счетоводов и машинисток, если бы в этой версии была хоть крупица правды.

Увы! «Объяснение Белым домом причин отправки из Вьетнама в Бенгальский залив «Энтерпрайза» и его оперативной группы сопровождения,— признает «Нью-Йорк таймс»,— намеренно вводит в заблуждение».

И далее, ссылаясь на обозревателя Джека Андерсона, раздобывшего подлинные выдержки из разведсводок, телеграмм госдепартамента и протоколов секретных совещаний в Белом доме, газета открывает истинную причину броска отдельной эскадры 7-го флота в Бенгальский залив: это была **попытка устрашить Индию и поддержать агрессора — пакистанского диктатора Яхья Хана.**

Сенатор Ф. Черч довольно удачно подытожил результаты похода «акулы за камсой»: «Белый дом оказался на стороне проигравшего и выглядит беспомощным и глуповатым».

А из рупора Пентагона, журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», вместо привычного рыка булькают унылые причитания: «Соединенные Штаты понесли урон, ибо ослабла их способность улаживать (?!) волнения в Южной Азии...»

...На «Энтерпрайзе» новогодний праздник прошел не так весело, как предполагалось. «Камса» осталась в Дакке, предпочитая комфортабельный отель штормовым волнам Бенгальского залива. Чистокровные американские секретарши резвились со своими клерками и торговцами. Агент ЦРУ, игнорируя подводную лодку, упорхнул на гражданском «Боинге» к шефу в Вашингтон с утешительным донесением: под сенью кораблей 7-го флота фашиствующие головорезы-разакары успели уничтожить три тысячи видных бенгальских интеллигентов.

— Вот видите! — назидательно сказал шеф своим подручным.— А еще болтают, будто способность США улаживать конфликты в Азии иссякла...

— Пароль?

— Антисоветизм!

Рисунок А. КРЫЛОВА

ПОЧТИ ПО ПЕРОВУ.

Рисунок **А. ЦВЕТКОВА**

Андрей ВНУКОВ

ЗНАК КОЛИЧЕСТВА

Конец квартала,
И очень мало
Уже осталось до звонка,
Разгар аврала
Девятым валом
Смывает марку ОТК...

На контролера —
Глаза с укором:
«Ешь из того же котелка!
А ну-ка скоро,
Без разговора
Пришлепни марку ОТК!»...

Прикроет знаком
Изделье с браком
Иной добряк из ОТК,
И в этом знаке
Увидит всякий
Лишь «Знак количества» пока...

Отдел контроля
В неловкой роли
Простого дяди-добряка,
Им всяк доволен,
Коль он безволен,
Как безОТКазная рука.

Подходит время
Раздачи премий,
Не обнаружен брак пока.
Беги за всеми
И долю премий
Бери за марку ОТК...

А где-то кто-то
Придет с работы,
Держа покупку за бока.
Вот на него-то
Свои заботы
Взвалил добряк из ОТК!

ХОЗЯИН СВОЕГО СЛОВА

Г. КЕМОКЛИДЗЕ

Рассказ

Сижу в кабинете. К важному совещанию в управлении готовлюсь. Секретарша входит.

— Сотрудница просит принять.

— Я занят.

— Говорит, сверхважный вопрос.

— Ладно. Пусть заходит.

Заходит. Приближается к столу. Робеет.

— Ипатова я. Вы меня во вчерашнем докладе упоминали.

— Ну и что?

— Вы сначала перечислили хороших работников, а потом сказали, что у нас есть пока и такие, как Ипатова, позорящие честь учреждения.

— Да-да, вспоминаю, было что-то такое. Надо вам исправляться.

— Видимо, вы ошиблись. У меня ни одного взыскания по работе нет и в быту все в порядке.

— Сейчас посмотрим,— говорю.

Достаю текст вчерашнего доклада. Листаю. «Есть у нас такие работники, как Игнатова...»

— Да,— признаюсь,— ошибся. Бывает.

— А как вы,— спрашивает,— будете исправлять свою ошибку?

— А что мне ее исправлять? — говорю.— Я и не собираюсь.

— Так вы же,— восклицает она,— опорочили меня при всех!

— Ничего, — успокаиваю я,— постепенно забудется. У нас народ хороший, незлопамятный.

— Нет,— упирается она,— я настаиваю, чтобы на завтрашнем собрании вы публично извинились.

— Вот еще,— говорю,— этого только не хватало! Все знают, что я за человек. Я хозяин своего слова, просто так словами не бросаюсь.

— Но я ведь тоже человек!

— Совершенно верно,— соглашаюсь я,— человек. Поэтому вы должны по-человечески меня понять. Ничем помочь не могу.

Уходит она. Расстроенная. Ничего, переживет.

Звонок по прямому проводу. Беру трубку.

— Сегодняшнее совещание в управлении переносится.

Ну и бог с ним. Хоть раз в пять лет вовремя домой приеду. Жена-то как обрадуется. Давно я ее ничем не радовал. А ведь люблю, люблю.

Подъезжаю к дому. Поднимаюсь по лестнице. Открываю двери. Вхожу в коридор. Зажигаю свет. Чужие желтые ботинки под вешалкой стоят. Стучусь в собственную дверь. Выходит. Испуганно удивляется.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось, — говорю. — Я от тебя ухожу. Навсегда.

— Куда? — спрашивает. — Зачем? К кому? Почему?

Показываю на желтые ботинки-микропорки. Она вдруг начинает хохотать.

— Глупый,— говорит,— это я тебе подарок купила.

Беру ботинки в руки. Правда. Ни разу не ношены. Шнурки узлом связаны.

— Большое,—говорю,—спасибо.—Но это дела не меняет. Раз я сказал, что ухожу, значит, надо уходить. Я хозяин своего слова. Заверни ботинки. Буду хранить их, как память о тебе.

— Лучше обуй! — восклицает она.— На улице снег!

— Верно,— говорю.— Что я буду без тебя делать?!

Обнял ее. Поцеловал. Заплакал. Обул новые желтые ботинки и ушел навсегда.

г. Ярославль.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Услугами авиатранспортной компании смогут пользоваться и транзисторные пассажиры».

Газета «Комсомольское знамя», г. Киев

«Тов. Одинцов работает десятником. К работе относится добросовестно. Злоупотребляет спиртными напитками. Состоит в резерве для выдвижения».

(Из характеристики)

Выписал П. Климанов, г. Череповец

«— Вот там и будут наши шефы,— сказал старичок, указав нам на обширное поле.

...Мы пошли к полю. Итоги дообеденной работы шефов ехали навстречу нам в кузовах тяжело груженых машин».

Газета «Молодой ленинец», г. Калуга

«Определять фактическую себестоимость законченных этапов, сданных заказчику, как отношение сметной стоимости выполненных в отчетном периоде работ, включая законченные в этом периоде этапы, к фактическим затратам отчетного периода с учетом сметной стоимости и себестоимости незавершенного производства на начало периода по данному объекту, на наш взгляд, неприемлемо».

Журнал «Бухгалтерский учет»

«Заявление

Прошу трудоустроить моего ребенка Белова Сашу возр. 5 лет в детский сад».

Переписал А. Петров, Хабаровский край

«Кинофильм «Посланники вечности» очень заинтересовал ребят. Интересные беседы о шедеврах Эрмитажа на двух последних занятиях клуба пополнили их знания о композиторе Кобалевском».

Газета «Керченский рабочий»

«От слесаря Степаненко Николая

Объяснительная

Возле общежития оскорбил женщину. 28 декабря забрали в милицию. 29 декабря в 12 часов выпустили, сказали, чтоб извинился. Последующие дни искал женщину, извинялся, поэтому не выходил на работу».

Копию снял А. Смирнов, г. Красноярск

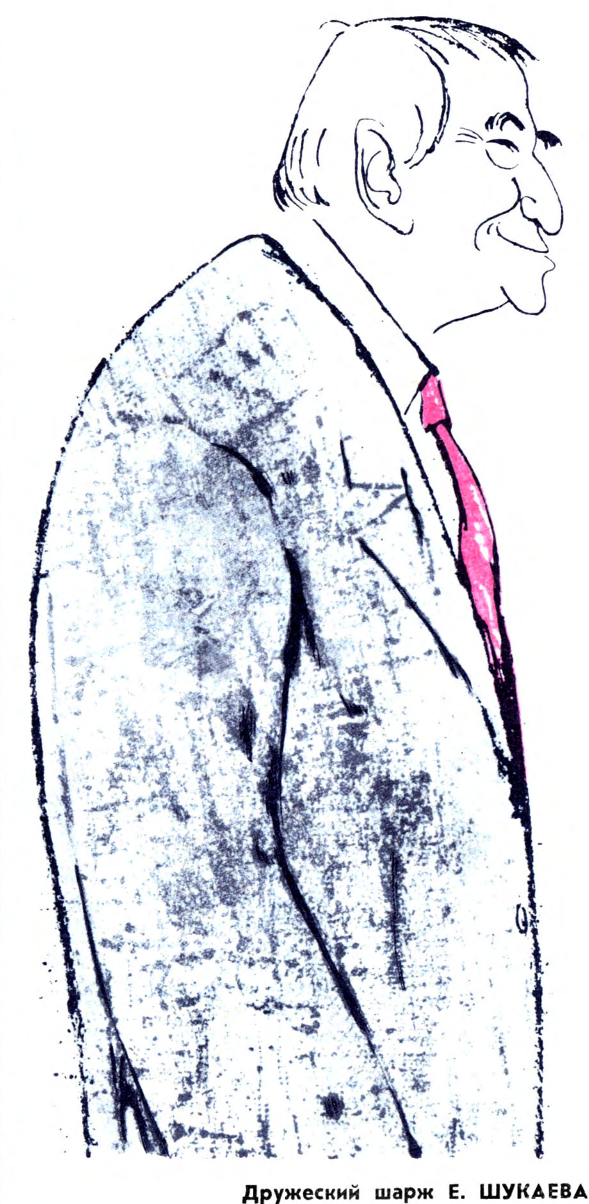
«У нас в цехе в настоящее время работает 33 человека основных рабочих, 27 человек — вспомогательных и 7 человек — с личным клеймом».

(Из выступления на собрании)

Прислала А. Ковалева, г. Петрозаводск

Валентин Петрович КАТАЕВ

(к 75-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Е. ШУКАЕВА

Крокодил помог

«КАМПАНИЯ ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ»

Заместитель председателя Северо-Казахстанского облисполкома тов. В. Воинков сообщил редакции, что облисполком обсудил репортаж Вл. Митина и В. Шкарбана «Кампания великих открытий» («Крокодил» № 26, 1971 г.) и признал, что отмеченные недостатки в подготовке к уборке урожая 1971 года в отдельных хозяйствах области действительно имели место.

«В настоящее время,— говорится в письме тов. Воинкова,— в области полностью засыпаны семена, подготовлены земли под урожай будущего года, заготовлено достаточное количество кормов для общественного животноводства. Исполком потребовал от начальников областных управлений — сельского хозяйства, шоссейных дорог — и руководителей других ведомств, учитывая допущенные ошибки, разработать и осуществить меры по своевременной и качественной подготовке к весеннему севу и уборке урожая 1972 года».

Ну что ж, будем надеяться, что «кампания великих открытий» в Северо-Казахстанской области больше не повторится.

«КРЫМСКИЕ ЛЕЖЕБОКИ»

В № 26 за 1971 год Крокодил писал о том, что в Крымской области на предприятиях скопилось много ценного оборудования, которое не используется.

Как сообщил в редакцию секретарь Крымского обкома КП Украины тов. А. Макухин, корреспонденция «Крымские лежебоки» была рассмотрена на заседании бюро обкома партии и признана правильной. Обком обязал руководителей предприятий, организаций и строек области принять решительные меры к тому, чтобы резко сократить количество неустановленного технологического оборудования, а также реализовать лишние станки и агрегаты.

Органам народного контроля поручено организовать проверку использования приобретенного оборудования и привлечь к строгой ответственности тех руководителей, по вине которых оно длительное время не используется и плохо хранится.

По тому же поводу

КОЛГОТА С КОЛГОТКАМИ

Как мы уже сообщали в свое время, Ленинаканская чулочная фабрика огорчила девчонок-непосед ажурными колготками, в которых они не могли далеко убежать: половины колготок смотрят в разные стороны. Заметка так и называлась: «Девчонкам-непоседам» («Крокодил» № 30, 1970 г.).

Директор фабрики Н. Гюльназарян написала редакции, что заметка была широко обсуждена на фабрике и в результате технология изготовления колготок претерпела коренные изменения к лучшему. Некоторые слабохарактерные работники ОТК были переведены на другие участки.

Как теперь выясняется, эти изменения не затронули, однако, принципиального намерения руководителей фабрики — ограничить непоседливость девчонок. На снимке, любезно присланном нам работниками бугурусланского магазина «Елочка», вы видите, сколь простым и остроумным способом это достигается: сшиваются половинки колготок с разными рисунками. Ясно, что дальше прихожей своего дома ни одна востроногая девчонка в таком клоунском наряде не убежит. Засмеют!

Интересно, какие коренные меры примут на фабрике теперь и как в результате изменится обычная, приевшаяся конструкция колготок на этот раз?

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

В день, когда благородная Бухара праздновала свое 2500-летие, у южных ворот города столкнулись два путешественника. В одном из них даже старожилы с трудом признали бывшего эмира бухарского со звучным именем Сайид Амир Алим-хан Бохадыр султан. Другого все узнали сразу — это был весельчак и острослов, мудрый и насмешливый Ходжа Насреддин.

Так случилось, что дальнейшее путешествие по древнему и прекрасному городу они совершали вместе, и, конечно же, насмешник Насреддин не упускал случая, чтобы подчеркнуть, сколь многого может достичь свободный народ, в свое время изгнавший из Бухары ее «великого правителя и покровителя».

Если вы подумаете, что новая книга Олега Сидельникова «Обыкновенные чудеса» (Ташкент, издательство «Ёш гвардия») написана в фантастическом жанре, то ошибетесь. И люди, о которых рассказывает писатель, и их удивительные дела, и прекрасная новь древнего города — абсолютная реальность.

Ну, а Насреддин... Как без него обойтись, когда пишешь о Бухаре?!

С ПЕРВОЙ ТЫСЯЧЕЙ!

Что получится, если двадцать пять веселых минут помножить на тысячу? Правильно — двадцать пять тысяч веселых минут. А что получится, если эти двадцать пять тысяч веселых минут разделить на тысячи шуток, песен, юморесок? Получится «Опять двадцать пять» — ежедневная утренняя развлекательная передача редакции сатиры и юмора Всесоюзного радио.

На днях мы услышали тысячную такую передачу. Итак, тысячу раз радиостанция «Маяк» по утрам заряжала своих слушателей на всех меридианах страны хорошим, бодрым настроением.

Надо отдать должное авторам, режиссерам, редакторам и звукооператорам — они будят людей только в будни, с перерывом на субботу и воскресенье. Это уже неплохо. А если еще учесть при этом, что у микрофона «Маяка» выступают популярные артисты, поющие популярные песни и рассказывающие веселые анекдоты, то можно представить себе всю популярность передачи.

Что еще сказать о самой передаче? Конечно, не всегда... Конечно, не во всем... Конечно, не в равной степени... Впрочем, это хорошо знают и сами наши коллеги-юбиляры. Поэтому скажем лучше в общем и целом: поздравляем вас с первой тысячей «Опять двадцать пять» и оставляем за собой право поздравить со второй и третьей...

АМЕРИКА БЕЗ КОСМЕТИКИ

Известно ли вам, что однажды в Нью-Йорке взломщики неторопливо разобрали крышу ювелирного магазина «Колеман Эдлер и сыновья», пока над ними мирно жужжал в воздухе полицейский вертолет? Почему же мирно? А потому, что взломщиками были полицейские.

А знаете ли вы, что любвеобильный царь Соломон питал нежные чувства не только к белым, но и к чернокожим женщинам и, следовательно, был некоторым образом противником расизма? Так, во всяком случае, утверждает американский мракобес Чарльз Полинг, который в поисках «красной угрозы» докопался до самого царя Соломона.

О полицейских-взломщиках, о мракобесах-«исследователях», о сенаторах-взяточниках и прочих им подобных джентльменах обстоятельно, гневно и насмешливо рассказывает журналист - международник В. Николаев в книге «Бизнес на крови», выпущенной Воениздатом.

В. ДВОРЦОВ

Как сейчас помню...

(Из олимпийских блокнотов)

...Когда первый отряд советских спортсменов прибыл в октябре 1964 года в Токио для выступления на летней Олимпиаде, хозяева приветливо улыбались и приговаривали: «До свиданья, до свиданья». Как вскоре выяснилось, они хотели приветствовать гостей из СССР на их родном языке традиционным «добро пожаловать», но... перепутали слова.

Опыт — великая вещь, и, будем надеяться, в феврале 1972 года, когда в Саппоро будут проходить зимние Олимпийские игры, подобного курьеза не произойдет. Хотя веселых историй, наверное, случится немало.

Я предсказываю это так уверенно потому, что мне посчастливилось в качестве корреспондента ТАСС работать на двух последних зимних олимпиадах — в австрийском Инсбруке и французском Гренобле. Перелистывая сейчас блокноты с записями тех дней, я нахожу в них немало забавных случаев.

* * *

Олимпийский огонь должен был вспыхнуть в Инсбруке по традиции в день открытия игр — 29 января 1964 года, однако наиболее предприимчивые владельцы магазинов столицы Тироля опередили события: у них в витринах бутафорские чаши с «олимпийским огнем» засияли гораздо раньше. Конкуренты, задетые столь эффектной рекламой, завистливо шутили: «Уже горите?»

Правительство земли Тироль в дни Олимпиады предусмотрительно издало такой указ: «Категорически запрещается приносить с собой на трибуны бутылки с напитками, приводить собак и лазить на деревья, если таковые поблизости окажутся».

Но это распоряжение мало кого испугало.

* * *

Заместитель генерального секретаря оргкомитета Белой Олимпиады Саппоро господин Томинага беспокоится: «Не случился бы снегопад в дни соревнований». А в первые дни Олимпийских игр в Инсбруке, наоборот, снега очень недоставало. На помощь пришлось вызвать воинские части. Солдаты возили на лыжные трассы снег с гор. Какой-то остроумный австриец прислал в оргкомитет Олимпиады термос со... снегом и обещал доставить снега еще, если ему вернут тару.

В разгар соревнований повалил снегопад. За ночь с тридцатого на тридцать первое января подразделению саперов, до этого бившемуся, чтобы сохранить в целости лыжные трассы, пришлось вооружиться фанерными лопатами и заняться расчисткой снега на улицах, прокладывать дорожки к трибунам, местам для судей и прессы. Я слышал, как один молоденький солдатик ворчал: «То мало снега, то много... С этой олимпиадой не соскучишься!»

* * *

Говорят, женщина может сделать мужчину миллионером только в одном случае — если раньше он был... миллиардером. Однако нет правил без исключений.

В Инсбруке близ олимпийской деревни Лиду Скобликову встретил иностранный фотокорреспондент.

— Будьте добры, задержитесь на секундочку,— обратился репортер к героине Олимпиады,— позвольте мне сделать несколько снимков.

— А нет ли у вас с собой медали? — осмелел он, когда Лида остановилась. Скобликова достала из сумочки золотую олимпийскую награду.

— Может быть, и вторая медаль с вами? — вежливо, но настойчиво осведомился фотограф.

Лида, хоть и не очень охотно, выполнила и эту просьбу, присовокупив к первой медали вторую.

— Я стал бы миллионером,— продолжал репортер,— если бы сделал сейчас первым ваш портрет с четырьмя медалями Олимпиады...

Лида достала из сумки еще две медали...

Не знаю, стал ли этот репортер миллионером, но физиономия его в тот миг, когда он щелкал затвором, сияла, как миллион долларов.

* * *

Перед самым началом Гренобльской олимпиады наши хоккеисты поехали в соседний курортный городок Шамони сыграть тренировочный матч с местной командой — чемпионом Франции. Горная дорога очень живописна. Все с восхищением любовались снежными вершинами, а иногда на крутых поворотах у некоторых, что называется, «захватывало дух». Вдруг в одном из таких «жутких» мест водитель остановил автобус.

— В чем дело? — поинтересовался переводчик хоккеистов.

— Пришло время обеда,— ответил шофер и достал бутерброды.

Полчаса пришлось терпеливо ждать: что поделаешь — обед есть обед.

* * *

Финский таможенник Ээро Мянтюранта прославился на Инсбрукской олимпиаде не только тем, что завоевал две золотые медали в лыжных гонках, но и тем, как он спасался от... прессы. После финиша Мянтюранта некоторое время терпеливо позировал перед фоторепортерами и давал интервью. Однако потом задавал такого стрекача в отель, что догнать его никто не мог. Да, шутили журналисты, видимо, встречи с Мянтюрантой нарушителям таможенного режима не сулят ничего хорошего.

Кстати, после гонки на тридцать километров Мянтюранта подошел к бронзовому призеру Игорю Ворончихину и подарил ему свой олимпийский значок. Наш спортсмен ответил любезностью на любезность.

— Значками обменялись,— вздыхал потом Игорь,— теперь бы в гонке на пятнадцать километров медалями поменяться.

В Инсбруке этой мечте не суждено было сбыться. А вот в Саппоро советские мастера лыжного спорта, столь блестяще выигравшие последний чемпионат мира, вправе рассчитывать на несколько высших олимпийских наград. Хотя и Мянтюранта еще не оставил лыжни...

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Как и автор этих заметок, мы уверены, что на Олимпийских играх в Саппоро будет немало веселых эпизодов. Но все же мы решили, что нашим олимпийцам нелишне взять с собой в дорогу хоть небольшую толику и своего, отечественного, юмора. Поэтому мы изготовили для них шутливую мини-стенгазету, размножили ее по числу участников и вручили каждому у самолетного трапа перед вылетом в Саппоро. Часть материалов этой «газеты» публикуется на стр. 16.

Рисунок И. СМИРНОВА

— Все! Я порвал с ней! Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Пьяница решил бросить пить. Он проходит мимо своего любимого бара и даже не поворачивает в его сторону голову. Через 20 метров останавливается и говорит себе:

— Молодчина, Жан. У тебя сильная воля. За это тебя нужно наградить.

Повернулся и пошел в бар.

●

Полицейский спрашивает автомобилиста:

— Почему вы не остановились, когда я вам кричал?

— Я не знал, что это вы. Я думал, это тот пешеход, которого я сбил.

●

— Я уверена, что нет двух человек, мыслящих одинаково.

— Вы бы не говорили так, если бы видели подарки, которые я получил в день рождения.

●

Пер ЛАГЕРКВИСТ (Швеция)

ОШИБКА СВЕНА

Все они — Свен, Даг и Йенс — работали на опасном участке: им постоянно приходилось иметь дело с динамитом, нитроглицерином и всякой другой взрывчаткой. Они трудились на руднике.

Йенс не употреблял ничего, кроме чая и кофе. Даг любил пиво и лимонад. А Свен — нечего скрывать! — любил заложить за воротник. Пил все, что попадет под руку.

— У меня есть термос с чаем,— предложил как-то раз после работы Йенс.

Свен презрительно отмахнулся.

— Я свое пиво выпил еще утром, но могу угостить лимонадом,— сказал Даг.

— Покорно благодарю,— проворчал Свен, направился к ящику с инструментами и вытащил большую бутылку.

— Стой, Свен! — воскликнули двое других.— В ней нитроглицерин!

— Ерунда! — возразил Свен, откупоривая бутыль.— Здесь наш хозяин всегда держит добрый ром.

...Очнулся Свен в чистом, залитом голубоватым светом помещении — не то в клинике, не то в амбулатории.

Врач, приятный человечек с огромной лысиной и в очках на носу, спросил:

— Что с вами случилось, молодой человек?

Свен хриплым шепотом, запинаясь, ответил:

— Тише, папаша... Я выпил бутыль нитроглицерина... Теперь мне ни вздохнуть, ни охнуть... А тут как назло кашлянуть очень хочется.

— А вы кашляйте. Смелее! Ничего не случится! — ободрил его старичок.

— Боюсь,— прошептал Свен, однако тихонько кашлянул.

— Да не так,— усмехнулся старичок.— Громче, сильнее кашляйте! Облокотитесь на это белое облако. А я придержу ваши крылышки и венчик на голове, чтобы не сорвались!

Эрик КЕСТНЕР (ФРГ)

Молчаливая фрейлейн

Она была очень молода, очень неопытна и очень любознательна. Он был тоже любознателен, не совсем неопытен и почти на двадцать лет старше. И все-таки он мог бы кое-чему научиться у нее: хоть она молода, но она женщина, а он хоть и мужчина, всегда оставался ребенком.

Когда она его тайно посещала, чтобы он вновь и вновь рисовал ее прелестное лицо, он говорил ей:

— Вы можете разговаривать, когда я работаю. Рассказывайте что-нибудь, дитя мое!

— Я не дитя,— отвечала она спокойно. И умолкала.

Вместо нее говорил он, а его взор в это время непрерывно перебегал с ее лица на лист ватмана и обратно. Она молчала, глядя на него и лишь время от времени говорила: «угу», или «да, да», или «так, так».

* * *

— Вы читаете любовные романы? — спросил он однажды. И когда она по обыкновению промолчала, он сказал: — Впрочем, даже если и читаете, ничего в них вы не почерпнете, дитя мое. Нигде вы не встретите такого лицемерия! Нигде так не умалчивают о настоящей жизни, как в любовных романах...

Она пристально посмотрела на него и промолвила:

— Угу...

* * *

— А вы знаете,— сказал он в другой раз,— двум любящим почти невозможно по-настоящему стать близкими друг другу. Вы, наверное, не согласитесь со мной, дитя мое?

— Я не дитя,— ответила она.

— Один французский писатель,— продолжал он,— попытался наглядно подтвердить эту мысль довольно мрачной аллегорией. Каждый из двух влюбленных, писал он, похож на человека, наглухо зашитого в полотняный мешок. Они ощущают лишь разделяющую их двойную грубую ткань: они могут лишь предполагать, но не видеть, каков на самом деле стоящий рядом...

Она пристально посмотрела на него и сказала:

— Да, да...

* * *

— Вспомните, как древние греки в храмах поклонялись телесной красоте. Вспомните полные поэзии индийские трактаты о любви,— сказал он ей.— Как можно откровенно говорить о духовной стороне любви, презирая, стыдясь, отворачиваясь от любви земной, телесной?

* * *

Такие и подобные слова говорил он ей и снова и снова рисовал ее. Так же молча или произнося лишь «да, да», слушала она его.

И вот наступил наконец вечер, когда он в последний раз взглянул на картину и сказал:

— Лучше сделать я не мог, дитя мое!

Она промолчала.

— Хотите посмотреть, дитя мое?

Она молча встала и подошла к картине.

— Могу ли я подарить ее вам? — спросил он.

— Нет,— сказала она.— Мы повесим ее вот здесь, над диваном.

Он удивленно обернулся. Она улыбнулась, посмотрела сначала на одно окно, потом на другое и сказала:

— Нужно будет купить новые занавески. Если, конечно, ты не возражаешь.

Он посмотрел на нее пристально, протянул руки и сказал:

— Ах, какое же я, в сущности, дитя!

«Рогач», Чехословакия.

— Я никогда не выигрывал в лотерее, но все равно я благодарен ее организаторам — им удалось доказать моей жене, что и она ошибается.

●

Узнав, что больной сам лечится по книгам, выискивая в них подходящие рецепты, врач сказал ему:

— Я знаю, что послужит причиной вашей смерти: вы умрете от опечатки.

●

Мать готовит на кухне и просит дочь:

— Бетти, иди посмотри, что там делает Джон, и скажи, чтобы он этого не делал.

●

Одна дама подходит к другой и говорит:

— Скажите, вам никогда не говорили, что вы похожи на Брижжит Бардо?

— Нет, никогда.

— И правильно!

●

«Мадьяр ифьюшаг», Венгрия.

«Пуркуа па?», Бельгия.

Тимоти П. КРИК (Австралия)

Короче, еще короче...

Грустно, когда времени не хватает даже на то, чтобы его транжирить.

В конфликте поколений всегда побеждают молодые, но чаще всего — когда состарятся.

Чем жаловаться на то, что мы не имеем всего, что хотим иметь, не лучше ли возблагодарить судьбу за то, что она не посылает нам того, что мы заслуживаем?

Всегда важно знать, плодоносит ли пальма первенства.

И к вратам счастья существуют отмычки.

Джон смотрел по телевидению хоккейный матч и заснул. Разбудила его жена:

— Вставай, уже двенадцать.

— В чью пользу? — в ужасе закричал Джон.

●

— Твой жених знает, сколько тебе лет?

— Да, частично.

●

Графоманка написала издателю: «Дорогой сэр! Вчера вы прислали обратно мой рассказ. Откуда вы знаете, что он не хорош? Вы его не прочли. Прежде чем послать его вам, я склеила вместе страницы 18, 19 и 20. Когда рассказ вернулся, эти страницы все еще были склеены. Вы так читаете все рассказы, которые вам присылают?»

Издатель ответил ей: «Дорогая мадам! За завтраком, когда я разбиваю яйцо, мне нет необходимости съесть его целиком, чтобы обнаружить, что оно тухлое».

●

— Я изучал английский по радио...

— Это заметно. В вашем произношении чувствуются атмосферные помехи.

●

«Вие нуове», Италия.

КРОКОДИЛ

№ 3 (2013)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, А. Грунин, Г. и В. Караваевы, О. Корнев, Н. Корягин, Ф. Куриц, К. Невлер, Л. Самойлов, И. Смирнов, Б. Старчиков, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Узбяков, М. Ушац, В. Шкарбан.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

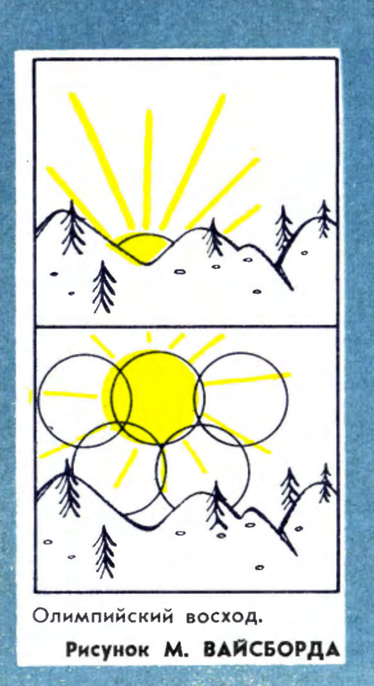
Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 10/I 1972 г. А 00864. Подписано к печати 19/I 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 183 500). Изд. № 220. Заказ № 2414.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Олимпийский восход.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Вижу Саппоро!

Рисунок В. ШКАРБАНА

Сел в свои сани...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

МОЕ НАПУТСТВИЕ

Пускай прямые самые,
Белей и чище сахара,
И лыжные и санные
Дороги ждут вас в Саппоро!

Катки прозрачно-белые —
Венец искусства тайного,
Как если бы их сделали
Умельцы Гусь-Хрустального.

Вас ждут, друзья, нелегкие
Сраженья Олимпийские —
Дистанции далекие
Для вас пусть будут близкими!

Вам ветра свист в ушах знаком
И финиши успешные...
Так сделайте своим «коньком»
Рекорды конькобежные!

И мастерам хоккейным я
Скажу, надежды не тая:
— В атаках будьте первыми!
И не жалейте шайб, друзья,
Для вратарей соперников!

Влюблен уже не первый год —
От вас скрывать не стану я —
В тройной волшебный оборот
Фигурного катания.

Так пусть, друзья, успех придет,
Вас увенчав наградою,—
Такой чудесный «оборот»
Нас от души порадует!

С трамплина прыгнуть сам бы рад,
Хватило б только силушки,
Еще бы попросить ребят
Приделать к лыжам крылышки!

Но для искусных прыгунов
Лихой полет давно не нов.
Тягаться ль мне с ребятами,
Поистине крылатыми!

Гигантский слалом — не пустяк,
И взглядом путь окинешь ли!..
Пусть каждый з и г
И каждый з а г
Ведут вас прямо к финишу.

Когда ж объявят биатлон —
Задаст работы вдвое он:
На лыжах мчаться, не упасть,
И, между прочим, в цель попасть.

Э-эх вы, гонки-гоночки,
Как мчатся санки с горочки!
Словно каждый — ей-же-ей —
Едет
к любушке
своей!

В честь победителей стократ
Пускай усилят рупорá
Ликующих приветствий град:
— Эввива!
Хох!
Гип-гип!
Виват!
Но чаще всех,
Но громче всех,
Но звонче всех — УРА!

КРОКОДИЛ

Мода зимнего сезона.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Олимпийское спокойствие.

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Штрафное время.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Рисунок Л. САМОЙЛОВА ЕСЛИ БЫ СРЕДИ СУДЕЙ БЫЛИ...

йог... моряк... любитель домино.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Я согласен на медаль...